

ДЕТЕКТИВ

О. ДЭКАЭН

КНИГА 1

ПРОГНИВШИЕ КОРНИ

+18

О. Дэкаэн

Прогнившие корни. Книга 1

«Издательские решения»

Дэкаэн О.

Прогнившие корни. Книга 1 / О. Дэкаэн — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939162-9

Лана поклялась не возвращаться в родной город, но смерть бабушки заставила нарушить клятву. Каково же было её удивление, когда она обнаружила дневник умершей, а в нём ответ на мучивший вопрос: почему мать бросила её сразу после рождения? Казалось бы, ответы найдены и можно жить дальше, но пожелтевшие страницы хранят куда более страшные тайны. Например, куда более полувека назад исчезла беременная подруга хозяйки дневника и, как с этим связано исчезновение семилетнего брата Ланы?

ISBN 978-5-44-939162-9

© Дэкаэн О.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Март 2015 год	6
Глава 1	8
6 ноября 2016 год	8
Глава 2	18
18 ноября 2016 год	18
Глава 3	25
9 ноября 2016 год	25
Глава 4	32
11 ноября 2016 год	32
Глава 5	40
11 ноября 2016 год	40
Глава 6	48
18 ноября 2016 год	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Прогнившие корни

Книга 1

О. Дэкаэн

*«Всё не то, чем кажется и не наоборот»
Конфуций.*

© О. Дэкаэн, 2019

ISBN 978-5-4493-9162-9 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-9163-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Март 2015 год

Ему нужно было взять себя в руки. Сейчас не время, чтобы впасть в спячку и просто плыть по течению. Это не поможет, не избавит от той тяжести, что опустилась на его плечи.

От понимания того, что он всего лишь пешка, вставшая на пути ферзя, ему становилось не по себе. Уже неделю он не спал, практически не ел, и сейчас организм требовал передышки, иначе просто развалится. Но уже не молодое тело отказывалось подчиняться. Эти семь дней оказались для него кромешным адом, со своими грешниками и карателями. Только невозможно было разобрать, кто чью сторону выбрал.

Он повернул за угол, на нужную ему улицу и перед взором предстало здание местного банка. Двухэтажное серое строение с вековой историей приветливо распахнуло двойные двери, словно приглашая.

Он не ощущал морозного воздуха, проникающего под одежду и продирающего до костей, мысли были заняты куда более важным делом. Ради этого он и пришёл, ради этого всё и затеял.

Кожа в том месте, где был нагрудный карман пиджака, словно медленно плавилась, не давая забыть, для чего он покинул тепло уютной квартиры. Нужно было избавиться от этой бумаги ещё неделю назад, когда была возможность. Теперь уже поздно! Теперь он связан по рукам и ногам толстыми канатами совести, затягивающимися всё сильнее. И ничего уже не изменить.

Он замешкался, остановился прямо посреди проезжей части, слово упёрся в невидимую стену и нетерпеливые водители тут же проявили всю степень своего негодования, заполнив уличное пространство негодующими звуками клаксонов. Вздвигнув, словно лунатик, очнувшийся от сна, он, сутулясь, словно старик, преодолел оставшиеся метры.

Просторное, светлое помещение, с фисташковыми стенами и стойкой из морёного дуба было пустым, не считая банковского персонала по ту сторону, в бело-чёрной униформе, галстуках и бейджами на правой стороне груди. Огромные хрустальные люстры и кожаные кресла манили атмосферой комфорта и финансового благополучия.

– Добрый день. Рады вас снова видеть, – заученно, с широкой улыбкой, хотя глаза оставались безучастными, поприветствовала его молодая сотрудница.

– Здравствуйте, – протолкнув ком в горле, произнёс он. Слова давались с трудом.

– Чем могу помочь?

– Я хотел бы арендовать банковскую ячейку.

– Как вам будет угодно. На какой срок хотите заключить договор по аренде ячейки? Месяц, полгода, год? – пальцы девушки запорхали над клавиатурой.

– А максимальный срок?

– Неограничен, но вам необходимо будет ежегодно обновлять договор.

– Хорошо. Пусть будет неограниченный.

– Вам также необходимо ознакомиться с правилами хранения ценных вещей в ячейке.

Банк в свою очередь предоставляет высокую степень защиты круглосуточно. Полная конфиденциальность и доступ к ячейке в рабочие часы.

На протянутые бумаги он даже не взглянул толком, подписал, не читая.

– Хотите ли вы оформить доверенность на кого-то ещё? Например, на родственников или иных лиц?

Отрицательно покачал головой, но тут же передумал:

– Да.

– Мне необходимы данные этого человека.

Он заколебался, но уже секунду спустя всё же произнёс по слогам имя и фамилию.

«Ну вот! Втянул её в эту грязь, – устало подумал, проводя рукой по лицу, словно смахивая невидимую паутину. – Быстрее бы закончить всё это...»

Вслед за девушкой прошёл вглубь здания, спустился на цокольный этаж и оказался перед дверью-решёткой. Открыв её ключом, миловидная сотрудница торопливо прошла к стене, которую сплошь занимали прямоугольные, металлические дверцы с глянцевыми табличками и двумя замочными скважинами. Вставив один ключ, второй она протянула ему. Дверца бесшумно открылась, и из недр показался пустой металлический бокс.

– Я вас оставлю, – сказала девушка и предусмотрительно отошла на несколько метров. Он видел её прямую спину сквозь прутья решётки.

Через секунду он уже держал в руках извлечённый из кармана бумажный конверт. Плотная бумага была тёплой от прикосновения к его телу, но ему казалось, что это содержание проклятого письма жжёт кончики его пальцев.

«Ещё раз! Только убедиться, что это будет сокрыто», – пообещал он себе, извлекая пожелтевший от времени и потёртый в местах сгиба лист, исписанный корявым, неразборчивым почерком. Так мог писать только ребёнок.

Неделю назад, когда он только обнаружил «это», ему понадобилось время, чтобы разобрать слова, но ещё больше времени, чтобы понять смысл. Для него уже давно не секрет, кто автор и от этого знания становилось страшно. Как бы ему хотелось не знать того, что говорилось в этих строках. Жить, как раньше, до того как он полностью, с головой погрузился в это топкое болото лжи и лицемерия, словно прикоснулся к чему-то грязному и сам замарался. Начал медленно гнить, как рыба – с головы. И эти мысли уже не отпускали, тащили за собой ко дну, разъедали мозг.

Руки его тряслись. Заметив это, он торопливо засунул бумагу обратно в конверт и швырнул в ящик.

«Скрыть и никогда не возвращаться к этому, – подумал он, незаметно вытирая потные ладони о полы пиджака. – Больше не думать! Забыть и жить дальше, словно ничего и не произошло».

Но как не старался, не думать не получалось. Он раз за разом возвращался к содержимому конверта. Усталый, измученный мозг продолжал обрабатывать информацию, выдавая итоговый расклад. И какой бы он не выбрал путь, всё получалось скверно.

Для всех!

Все эти годы он был лишь звеном в этой цепи, счастливо прозябающий в неведении. Теперь всё изменилось и у него лишь два пути: смириться и забыть обо всём или...

Свой выбор он уже сделал.

Глава 1

6 ноября 2016 год

Тринадцать дней до расплаты.

«Что-то случилось!»

Эта мысль возникла где-то в подсознании, как только Лана, сквозь сон, услышала свой мобильный. Тот, светясь и вибрируя, пытался уползти подальше, словно говоря: не бери, ничего хорошего из этого не выйдет.

Никто и никогда не звонил ночью, все знали об её не добром нраве, когда дело касалось сна. Только переехав в город, она работала, как проклятая по двадцать часов в сутки, чтобы прокормить себя, платить за аренду тесной комнатухи и учёбу. Единственной мыслью в те времена было поскорее добраться до подушки, и, накрывшись с головой, остаться наедине с собой. Приходила за полночь и просто валилась с ног. Хотя далеко не всегда удавалось выспаться из-за трудной соседки. Та часто металась и кричала во сне.

И первое, что она сделала, когда появились первые деньги – это сняла отдельную маленькую квартирку-студию, где не было ничего лишнего. Старый потёртый диван с кучей подушек, словно нарочно разбросанных, чтобы прикрыть уродство первого, закуток кухонной зоны с посудой, рассчитанной на одну персону, и покосившийся шкаф со стопкой книг на полу вместо исчезнувшей куда-то ножки. Не было телевизора, но были книжные полки во всю стену. Много позже узнала от хозяйки, что книги остались от бывшего мужа, любителя скоротать вечеров, за чтением. За те пять лет, что она жила здесь, телевизор так и не появился, а книги она перечитала практически все, некоторые даже по несколько раз. Они так и стояли ровными рядами на полках. Годы шли, а то чувство, что ей не хватает времени на сон, осталось.

Включив лампу, одиноко стоящую на столике у изголовья дивана, щурясь от яркого света, она взглянула на электронное табло часов 2:10. Как не хотелось слышать то, что так настойчиво пытались донести до неё с той стороны, ответить было необходимо. С тяжёлым вздохом она поднесла всё не замолкающий мобильный к уху.

– Я слушаю, – её голос был хриплым после сна.

– Лана?

Сердце сделало бешеный скачок и замерло. Она узнала голос и сразу поняла причину звонка.

– Агата? – сдавленно спросила, хотя уже знала ответ. Её дядя не будет звонить ночью по пустякам.

– Умерла несколько часов назад, девочка, – глухо подтвердил он и Лана, словно наяву, увидела, как тот, зажав трубку плечом, снимает очки и нервно протирает стёкла платком.

Она была не готова к этой новости – лишь почувствовала, как в груди что-то сжалось, словно тисками. Стало трудно дышать. Несмотря на всё то, что было между ней и её бабкой в прошлом, и разлукой в долгие одиннадцать лет, чувство, накрывшее её с головой, было столь велико, что захотелось забыться.

Знать бы ещё, что ею движет – боль утраты или освобождение? Это была потеря того, что связывало её с прежней жизнью: со школой, вечными конфликтами и детскими страхами – её постоянными спутниками и по сей день. Словно дорогие сердцу друзья, которых она не в силах отпустить – всегда рядом, всегда начеку, готовые в любой момент напомнить о себе.

– Что случилось, дядя?

– Ей стало плохо, – осторожно начал он. – Я толком сам ничего не знаю... Доктор объяснил лишь, что она, должно быть, потеряла сознание...

Дальше он продолжать не стал. Её воображение довершило картину.

– Я приеду, завтра ближе к обеду, – пообещала Лана. – Раньше не смогу, надо закончить все дела.

– Да-да, конечно, – поспешно отозвался Ян, – я не тороплю тебя.

Постепенно приходило осознание того, что произошло. Её и без того неустойчивый мир, в который раз сделал стремительный кульбит и именно в тот момент, когда она считала, что всё более или менее наладилось и можно расслабиться.

Понимая, что уже вряд ли удастся заснуть, отправилась в душ. Не знала, сколько провела времени под прохладными струями воды, смывая с себя остатки сна. Не плакала – забыла, как это делать. Агата ещё в детстве вытравила из неё эту «дрянную» привычку.

«Не реви, Ланка. Противно смотреть, как ты ноешь. Ты ведь не какая-то дура безмозглая, которая сопли пускает по пустякам», – вспомнила её давние слова Лана, когда будучи совсем ещё ребёнком, прибежала к ней со слезами обиды на своих сверстников. Слишком часто эти злые дети позволяли себе то, что не могли, открыто позволить себе их лицемерные родители по отношению к ней.

«Они снова кричали мне, что я уродина, – жаловалась маленькая, зарёванная Лана, размазывая слёзы по лицу, – и кидали в меня камнями».

«Довольно! Что с этих дикарей возьмёшь! Не обращай внимания, им надоест и они успокоятся».

«Почему они так говорят?»

«Потому что слушают своих идиотов-родителей – ворчала старая женщина и добавляла. — А ты подумай на досуге, стоит ли бегать ко мне с этими бреднями!» – хватая её цепкими скрюченными от артрита пальцами одной руки и одновременно другой рукой открывая дверь в ненавистный подвал.

Почти всегда всматриваясь в своё отражение в зеркале, она вспоминала этот момент. Уродина! Это жестокое прозвище приклеилось к ней, наверное, сразу после рождения. Сейчас она видела лишь неясную тень на запотевшем зеркале и, проведя по нему рукой, привычно взглянула на своё отражение.

Глаза на бледной коже были её проклятьем. Врождённая гетерохромия. Правый глаз – сливался со зрачком, вбирая в себя все остальные краски с её лица, левый – словно болотные мутные воды.

В мегаполисе, где она жила уже больше десяти лет и, где население давно перевалило за миллион, все были заняты собой, не обращая внимания на то, чем живут другие и тем более, как выглядят. В таких городах хватало фриков – искусственных, стремящихся выделиться из толпы серости. И она чувствовала здесь себя вполне комфортно, не выделяясь. Всем было наплевать на её вид, на то, какие у неё глаза и есть ли они вообще. Но всё было иначе в месте, где она родилась, в городке с населением чуть более пяти тысяч. Люди там не менялись. И как бы этого не хотелось, ей ещё только предстоит встретиться со своим прошлым и его «хиимерами».

Ей ещё никогда не приходилось терять близких, не считая родителей, о которых она ничего не знала. И Агата – она поклялась, что больше никогда не назовёт эту женщину таким тёплым, источающим любовь и привязанность, словом «бабушка» – не горела желанием рассказывать о том, что же случилось с её дочерью, матерью Ланы и её избранником. Все попытки выяснить истину, приводили лишь к скандалам и ссорам, после одной из которых Лана и покинула сначала ставший ненавистным дом, а затем и город с его враждебно настроенными жителями, прихватив с собой лишь старый чемодан, что ещё недавно пылился в подвале. Теперь не осталось даже Агаты.

Тянуть с поездкой было бессмысленно. Как бы ей не хотелось плюнуть на всё, с дядей она так поступить не могла. Заказала билет на поезд, на ближайший рейс, попутно закидывая

в дорожную сумку кое-какие вещи. Времени было в обрез, поезд отправлялся в 10:00 утра, а нужно было ещё позвонить на работу. Единственное, что она любила, отдавалась без остатка. Возможно, поэтому была лучшей.

Она не ладила с людьми, но «чувствовала» собак и профессию кинолога выбрала не задумываясь. Работа освобождала от ненужных мыслей, так часто терзавших раньше. Стоило переступить порог питомника, как всё отходило на второй план, оставляя один на один с теми, кто не ранит словом, не попытается навязать что-то своё, не взглянет косо. И вот теперь, как кара за спокойную, размеренно текущую жизнь, ей придётся оставить всё это, и окунуться во мрак прошлого.

Кутаясь в пальто и огромный вязанный красный шарф, и уворачиваясь от встречного потока толпы, она шла пробираясь по перрону. Весь этот шум, все эти люди, куда-то спешащие и ничего не замечающие вокруг, так и норовили задеть, толкнуть оставить на Лане свой след. И где-то глубоко внутри сразу же зарождалось чувство неприязни, и отвращения. Но больше всего страха. Хотелось сжать руки в кулаки и крикнуть, чтобы они прекратили, отступили на шаг или вообще исчезли. Только так она бы смогла протолкнуть внутрь хоть немного воздуха и успокоить сильно бьющееся сердце. Не дать разгореться костру под названием «паника».

Прожив столько лет в этом муравейнике, посетив не одного мозгоправа, она так и не смогла излечиться.

Поезд пришёл точно по расписанию. Его гладкое, стальное тело с огромными синими буквами на ребристом боку, по инерции ещё какое-то время с протяжным стоном катило по рельсам и наконец, застыло, распахивая двери и выплёвывая пассажиров из своего нутра. Пропустив толпу вперёд, она протиснулась внутрь, стремясь как можно скорее оказаться на месте, что значилось в билете.

Соседкой оказалась девушка-тинейджер с огромными, ядовито-розовыми наушниками, в которых что-то визжало и гроыхало. Выкрашенный в синий цвет хвост то и дело подпрыгивал в такт музыке, а пальцы с режущими глаз фиолетовыми ногтями, порхали над клавиатурой дорогого планшета. Голову та даже не подняла.

«Всё не так уж и плохо», – уговаривала себя Лана, опускаясь на своё место и отворачиваясь к окну. По крайней мере, не словоохотливая пенсионерка или ещё кто-нибудь с желанием скоротать весь путь за нудными разговорами.

Она сидела, прикрыв глаза, а память то и дело выталкивала наружу, словно тухлую воду из канализационного стока, куски детства, пронесившиеся перед её мысленным взором с той же скоростью, что и серый, унылый городской пейзаж за окном. То время лишь с натяжкой можно было назвать счастливым и винила она в этом только одного человека. Теперь уже мёртвого. Мысль казалось непривычной и от того абсурдной.

Только когда её накрыла волна страха и неприязни, поняла, что пока дремала, кто-то до неё дотронулся. Она напряглась и резко распахнула глаза. Над ней навис кондуктор в форме, который ранее проверял её билет.

– Вы, кажется, задремали, – сухо сказал мужчина. – Мы подъезжаем.

Лана лишь кивнула и, прижавшись лбом к холодному стеклу, попыталась взять себя в руки. Знала, что то место на плече под слоем одежды ещё долго будет гореть, напоминая о прикосновении к её телу чужого человека. Рука сама потянулась к сумке и спустя пару секунд Лана почувствовала, как внешняя сторона бедра взорвалась от фейерверка боли, успокаивая и подавляя нарастающую панику. Маленькая булавоочная игла в который раз спасла от истерики, оставляя лишь чувство контроля над ситуацией... и невидимый на чёрной ткани джинсов пятно от крови.

Её считали высокомерной, за спиной называли сухарём, и никому в голову не могло прийти, что этому есть объяснение. Но развенчивать мифы о себе она не собиралась, ей просто было плевать на то, что думают остальные. Свои фобии выставлять на потеху публике она

не собиралась. Да, она была чёрствой. Её не трогали чужие проблемы, хватало своих, куда более серьёзных, но их она держала при себе, глубоко запрятав за, казалось бы, безразличным фасадом, считая излишне делиться с другими тем, что происходило в её жизни. И если люди из-за этого считали её не нормальной, то это было их дело. Ей было наплевать.

Мужчина в форме громко объявил о следующей станции и в голове, словно что-то взорвалось.

«Мигрень обеспечена» – поморщилась Лана, мечтая оказаться подальше от толпы и шума.

Наконец, сойдя с поезда, поставила дорожную сумку на промёрзшую, покрытую инеем землю, плотнее запахнула серое, кашемировое пальто и спрятала замёрзшие пальцы в рукавах вытянутого, старого свитера. Было холодно. Над головой нависли свинцовые тучи, будто предупреждая о том, что вот-вот извергнутся белоснежными, невесомыми хлопьями на головы людей, которые спешили поскорее скрыться в тепле здания вокзала.

Она дождалась, пока перрон полностью не опустеет, и полной грудью вдохнула свежий, морозный воздух – чистый, не испорченный большим городом. Пахло детством.

Постояв так какое-то время и прислушиваясь к своим ощущениям, Лана огляделась. За столько лет практически никаких изменений: всё то же унылое двухэтажное здание вокзала с новой голубой крышей, из которой с двух противоположных сторон торчали огромные кирпичные трубы – отголосок времён с печным отоплением, большие арочные окна с выкрашенными в белый цвет рамами. Ещё одним новшеством были две металлические скамейки, сменившие на своём посту почерневшие от непогоды деревянные лавки. На стене над входом в здание вокзала, табло попеременно показывало 13:45 и минус семь по Цельсию.

Вздыхнула, понимая, что пути назад нет и подняла с земли сумку. Если и можно было найти машину, которая доставила бы её до места, то только на площадке для парковки. Таких здесь было несколько: две явно принадлежали местному таксопарку, ярко жёлтые с чёрными эмблемами по бокам, третий – синий маленький автомобиль без каких-либо опознавательных знаков, выглядел пришельцем из прошлого столетия. Частник. Именно к такому и направилась Лана, мечтая как можно быстрее оказаться в тёплом салоне.

Костяшкой согнутого пальца, она постучала по стеклу. Мужчина в полушубке и не покрытой головой – шапка так и осталась лежать на пассажирском сидении – поспешно выбрался из кабины. Лана бросила на него короткий взгляд. Плотный, лет пятидесяти, одного с ней ростом, с огромным, нависшим над ремнём животом, на котором его верхняя одежда отказывалась сходиться. Он двигался перебежками вокруг своего маленького автомобиля, запихивая в багажник её сумку и при этом засыпая её пустыми вопросами:

– Прибыли на скоростном?

Лана лишь кивнула, пряча нижнюю часть лица в красный вязаный шарф, в надежде не околеть окончательно.

– Старушка что надо, доберёмся без проблем, – широкая ладонь с короткими, толстыми пальцами с нежностью похлопала по капоту.

Когда автомобиль тронулся, салон наполнили звуки музыки из старого приёмника. Город, как и вокзал, нисколько не изменился. Лана знала здесь каждую улочку, каждый магазинчик. Помнила, как в детстве часто убегала, чтобы побродить по мощёным улицам и старинным моста, как возвращалась через лес, в надежде, что Агата не заметила долгого отсутствия и ей не влетит. Детская наивность: наказание ждало её всякий раз.

Сидя на заднем сидении, она безразлично блуждала взглядом по всё тем же аккуратным домам с уютными двориками, которые в летний сезон, утопая в зелени, служили гордостью своим хозяевам-садоводам. Агата называла таких – глупцами, тратившими время на бесполезную возню, плодами которой останется лишь перегнивающая, осенняя листва. Сейчас,

с голыми ветвями деревьев, подмороженной слякотью на тротуарах, покрытых изморозью дорогами, город выглядел уныло и безлюдно.

– Давно так похолодало? – не отрываясь от пейзажа за окном, спросила Лана, сидящего впереди мужчину.

– Да уж пару недель как, – охотно отозвался тот, не отрывая взгляда от дороги. – А что в тех местах, откуда вы, сейчас по-другому?

– Грязь и слякоть, – безразлично пожала она плечами.

– Да уж, погодка... Погостить приехали?

– Вроде того.

– У нас здесь красиво, правда?

– Даже слишком, – ответила она с отстранённым видом.

Наконец, машина выбралась за городскую черту, и водитель набрал скорость. Вдоль дороги тянулись, поросшие голубыми елями холмы, казавшиеся скорее чёрными на фоне туч, плотно окутавших небо, словно тяжёлое пуховое одеяло. Только снега не хватало для полноты картины. С каждым новым километром, что высвечивается на приборной панели маленького автомобиля, Лана начала всё сильнее нервничать. Ещё пару минут, и она окажется в месте, что когда-то считала домом и откуда так стремилась убежать.

Словно предугадав её мысли, сидящий за рулём пожилой мужчина резко сбросил скорость.

– Что-то не так? – оторвала она встревоженный взгляд от пролетающего за окном пейзажа.

– Проклятое место, – буркнул он, указывая на участок дороги незадолго до нужного ей поворота.

«Это уж точно» – усмехнулась она про себя.

Серая лента дороги, вечнозелёные деревья стеной по обеим сторонам и единственный ориентир – дорожный знак – скоростное ограничение шестьдесят километров в час. Было слышно, как резина подминает под себя еловый мусор, пока автомобиль, наконец, не замер, тихо урча двигателем, словно довольный кот.

Только когда выбралась наружу и, расплатилась, Лана, наконец, повернулась и взглянула на дом, и попыталась примириться с неизбежным – ей придётся войти туда, куда она поклялась никогда не возвращаться. Даже сейчас это место казалось ей пугающе красивым. Небольшая поляна, окружённая со всех сторон еловым пролеском, двухэтажное старое строение в центре, с покатой, почерневшей от времени и непогоды черепичной крышей, выступающим козырьком, защищавшим стены от дождей и холодных ветров. Зимой такая кровля хорошо удерживала снег, и она тут же вспомнила, как Агата ворчливо, из года в год, при приближении зимы, повторяла, как заклинание:

«Я надеюсь, у тебя хватит мозгов никогда не подходить так близко к крыше?»

Маленькая Лана уверяла, что помнит о её наказе, знала, что кроме них двоих в радиусе семи километров не было ни одной живой души и, если бы случилось непоправимое, Агата, разменявшая седьмой десяток, вряд ли смогла бы что-то сделать. А помощи из города ждать пришлось бы долго – во время снегопадов и метелей они были отрезаны от остального мира. Про это почти заброшенное место местные давно забыли, выбросили за городскую черту, как что-то лишнее, не нужное.

Дом изгоев!

Первый этаж из грубого, неотёсанного камня покрылся мхом. Второй – мансарда из массивных, деревянных брусьев, почерневших и потрескавшихся, придавал дому ещё более состаренный и, как теперь она понимала, жуткий вид. Сейчас он выглядел даже намного хуже, чем она помнила, словно долгие годы стоял в этой глуши заброшенным.

Её обволакивала тишина: деревья напряжённо застыли не подвластные ветру, птицы давно покинули эти места в надежде отыскать лучший мир. Словно природа задержала дыхание, ожидая от неё того единственного, чего её тело делать отказывалось – входить внутрь.

«Что с тобой такое, Берсон? Боишься, снова оказаться в прошлом, от которого так стремилась убежать, снова стать той маленькой девочкой?» – спрашивала себя Лана, чувствуя, как по телу волнами пробегает дрожь.

Она отлично помнила свой последний день в этом доме. День, когда грубые, пропитанные злобой слова Агаты будто хлестали по лицу. Та не скупилась в выражениях, пытаясь внушить своей внучке, что она раз и навсегда должна забыть о тех, кто бросил её. Заставить поверить в то, что она никогда не была нужна своим родителям!

Очнувшись от воспоминаний, сделала первый шаг. Место укола на бедре зашипало, напоминая об инциденте в поезде. У неё не было ключа, но она знала, что один всегда хранился в небольшой трещине в фундаменте. Всего же было три таких ключа: один сейчас держала в руке Лана, замерев перед отпертой дверью, другой всегда был у Агаты, судьба последнего была ей неизвестна. Видимо, он был утерян ещё до её рождения.

Распахнув дверь и шагнув внутрь, она втянула носом до боли знакомый запах и прислушалась к себе.

Что она сейчас чувствует? Облегчение, скорбь или что-то другое? Она сама себе боялась ответить на этот вопрос.

Внутри дом казался необитаемым. Всё тот же пол из грубо струганых еловых досок, отполированный до блеска за более чем сотню лет, покрытый тонким слоем пыли. Вся та же мебель – из самого доступного и дешёвого материала: дерева. Лана ненавидела эту мебель, ненавидела каждую вещь, как и весь этот дом. Её раздражало, когда кто-нибудь с умным видом утверждал, что дерево – это тёплый, живой материал. В мёртвом доме не могло быть ничего живого.

Прислушивалась к себе и призракам прошлого, что жили буквально в каждом углу. Всё здесь казалось её теперь чужим. В её маленькой квартирке не было ни одной детали, сделанной из дерева: пластик, металл, стекло и ничего, что напоминало бы ей о той старой жизни, наполненной страданиями. Она вычеркнула все несчастливые годы, как только приняла решение не возвращаться. И она держала слово! До сегодняшнего дня.

Больше часа она в темноте бесцельно бродила по дому, то беря в руки свои детские фотографии в рамках, расставленные на каминной полке, то пробегая пальцами по салфеткам, что крючком вязала Агата, то прикасаясь к поникшему букетику синих незабудок в вазе, который казался здесь не к месту. Хозяйка этого дома никогда не любила цветы.

Она совсем продрогла. Температура в доме была не намного выше уличной. Видимо, электричество было выключено для безопасности. Всё ещё в верхней одежде, она подошла к щитку и щёлкнула рубильник. При свете всё выглядело не таким пугающим. За годы её отсутствия, в доме не произошло никаких изменений, не считая огромного, серого холодильника, который заменил несуразное белое чудовище. Сколько себя помнила, тот грохотал так, что она верила, в живущего в нём монстра, время от времени, напоминавшего о себе громким рыком. Над деревянным столом большой кухни, всё так же поблёскивая, висели всевозможных размеров почерневшие сковородки и кастрюли. Агата не любила яркий, дневной свет – особенно зимой – тяжёлые шторы и сейчас были сомкнуты. На потёртой тахте стояла корзина с разноцветными клубками пряжи и торчащими в разные стороны, словно спина дикобраза, крючками. Лана потянула вязанное розовое полотно, когда-то бывшее её детским свитером, с воткнутым в него длинным костяным стержнем, загнутым с одной стороны.

«Так и не закончила...»

От этих мыслей её отвлёк стук в дверь.

– Ты приехала, девочка, – грустно улыбнулся Ян, запирая одной рукой дверь, в другой он держал её дорожную сумку. – Кажется это твоё?

– Да, спасибо. Совсем о ней забыла, – сказала Лана и оказалась в объятиях единственного родного человека.

Единственного ещё и потому, что рядом с ним её фобия мирно дремала.

– Почему не сообщила, когда придёт поезд? Я бы встретил, – упрекнул Ян, отстраняясь.

– Не хотела тебя отвлекать от работы.

– Глупости, – отмахнулся он. – Я взял пару дней отгула.

– Ты хорошо выглядишь, – сменила она тему и сделала пару шагов назад, чтобы как следует разглядеть, стоящего перед ней мужчину.

За годы, что они не виделись, её дядя почти не изменился: такой же подтянутый, высокий, без единого, седого волоска в густой, тёмной шевелюре. Всегда в неизменном твидовом пиджаке с кожаными заплатками на локтях и прямоугольных, узких очках – хамелеонах. Несмотря на свои пятьдесят с хвостиком, он был довольно привлекательным и Лана, в который раз задалась вопросом: Почему он до сих пор не женат?

Такого положительного во всех отношениях мужчину в маленьком городке оторвали бы с руками. Она ни разу не видела его неопрятным. Всегда аккуратный, с доброжелательной улыбкой на лице он нравился всем. Её дядя был тем человеком, которому хотелось рассказать обо всех своих переживаниях, поделиться своими горестями, что она и делала раньше. А он её слушал, успокаивал, давал дельный совет. Ян заменил ей отца, которого у неё никогда не было. Когда она была ребёнком, то часто воображала, что он и есть её потерянный родитель.

– Как может хорошо выглядеть человек в моём-то возрасте? – вздохнул он, хотя было заметно, что ему приятны слова племянницы. – Вот ты у нас красавица, девочка! Так похожа на... Агату в молодости.

Лана пропустила мимо ушей эту заминку, поняла, что дядя совсем не это хотел сказать, но время было не подходящим для расспросов.

– Сколько прошло? Лет десять?

– Одиннадцать, – поправила она.

– Как бежит время! – сокрушённо покачал он головой. – Как ты доехала?

– Нормально, – отозвалась Лана, отправляясь на кухню, чтобы поставить чайник.

– Как большой город?

– Живёт.

– Ты изменилась, – задумчиво произнёс Ян, вслед за ней появляясь на кухне.

Лана не поняла, хорошо это или плохо.

– Не одобряешь? – склонила она голову набок.

– Дело не в этом... – поторопился он её уверить. – Просто стала другой. Что с твоими волосами?

– Перекрасила.

Она не стала объяснять ему, что уже в двадцать, она начала седеть. Когда-то практически чёрные волосы обзавелись жёсткой мёртвой прядью, белеющей у кромки лба. В то время ей было наплевать на то, как она выглядит, но в сочетании с гетерохромией это рождало у людей ненужные ассоциации. Она ловила на себе обескураженные взгляды сокурсников, прохожих на улице. И так продолжалось несколько лет. Лишь её питомцам было плевать на то, как она выглядит.

Может, ей и дальше было бы всё равно, если бы не маленькая девочка в супермаркете, которая, не переставая дёргала мать за рукав кофты: «Мама, это ведьма?»

Сначала она не придавала этим словам значения, но когда люди, как по команде повернули головы в её сторону, напряглась, почувствовав угрозу. Любопытство ребёнка было понятным,

реакция её матери была, мягко говоря, странной. Та больно дёрнула своего ребёнка за руку и зашипела той что-то на ухо.

Лана видела слёзы в глазах девчушки, готовые вот-вот водопадом пролиться на розовые щёчки и немой вопрос: «*Что я такого сделала?*»

В тот же вечер она стала обладательницей тёмно-русых локонов. Где-то читала, что когда у человека наступает новый этап в жизни, он стремится изменить что-то в своей внешности. Она изменила внешность, стремясь поменять свой внутренний мир. Не удалось.

– Как работа?

– Поверь, не так интересна, как твоя, – уклончиво сказала Лана, не горя желанием обсуждать ту, другую жизнь. Не для этого она приехала. – Ты расскажешь, что произошло с Агатой? – спросила она, устраиваясь в старом, потёртом кресле с чашкой чая в руке.

– Ну, с чего начать... Мне позвонили около полуночи, представились полицейскими и попросили приехать на опознание. Позже уже рассказали, что твою бабушку нашли на пороге дома.

– Внутри или снаружи?

– Внутри, конечно. Что ей делать поздно вечером на улице? Хотя дверь была не заперта и это странно. Врач сказал, что ей стало плохо с сердцем, и она потеряла сознание. Кто-то из местных вызвал бригаду скорой помощи, но было слишком поздно.

– Значит, она умерла сразу?

– Практически сразу.

Лана сделала глоток, давая себе время переварить услышанное.

– Как она жила все эти годы?

– Затворницей. Неделями никуда не выходила. Я старался, как можно чаще навещать её, но ты же знаешь, что Агата не тот человек, который любит принимать гостей. Она мне ясно давала понять, что ей не нужен контроль, даже в таком возрасте.

– Дом кажется заброшенным.

Ян вслед за ней медленно обвёл помещение взглядом.

– Ты должна понять, она стала уже слишком старой, многое забывала, стала рассеянной.

«Он словно оправдывается передо мной» – ужаснулась Лана.

– Перестань, я всё понимаю. Я бросила её в самое трудное для неё время, сбегала, повесив на тебя заботу о ней.

– Я тебя не обвиняю.

Они несколько минут просидели в тишине, думая каждый о своём.

– Она тебя любила.

– Да неужели? – в её голосе был сарказм.

– По-своему, но любила, – упрямо повторил он. – Ты просто не понимаешь...

Да, она не понимала. Просто не могла понять того, во что превратила жизнь маленькой девочки старая женщина. И все эти годы ей приходилось жить с этим внутри, меняя психологов, не способных усмирить её внутренних демонов.

– Ты сказал, вызвал скорую кто-то местный? Кто?

– Я не знаю, мне не сказали.

– Странно тебе не кажется? – задумчиво произнесла Лана. – Как этот неизвестный узнал, что с ней случилось, если она была в доме? Кто вообще заходит в нашу глушь?

И это было правдой. Дом Берсонов, переходящий из поколения в поколение, стоял в стороне от дороги – в десяти минутах ходьбы – и народу тут днём с огнём не сыщешь. С одной стороны тянулись частные владения Вальтманов – их давних соседей, по другую – хвойный лес.

– Может к ней кто-то приходил? – выдвинул предположение её дядя, словно впервые задумавшийся.

– Поздно вечером? – усомнилась она и сменила тему. – Мне ведь что-то нужно делать?

– Все обязанности по похоронам я, с твоего позволения, взял на себя.

– Спасибо.

Её благодарность этому человеку была искренней. Несмотря на постоянную занятость – он был директором местного музея – он всегда находил время на то, чтобы уделить внимание своей племяннице. Лана не помнила ни одного праздника, где не было бы её дяди, ни одного школьного собрания, на которое он исправно ходил все годы её учёбы. Каждая разбитая коленка или синяк, всё это проходило через заботливые руки дяди с неизменными словами: *«Девочка, давай не будем расстраивать твою бабушку, хорошо?»* И она со слезами на глазах всегда с готовностью кивала в ответ. Ей и самой не хотелось, чтобы Агата знала. Ведь тогда бы сразу же последовало наказание.

С возрастом проблемы стали более глобальными: парни, плохие оценки по предметам, но одно осталось неизменным – она всегда бежала к Яну, который выслушает, даст дельный совет и после напомнит: *«Агате ни слова»*.

Они проговорили ещё около часа, обсуждая то, что нужно будет сделать завтра, пока Ян не задал вопрос, который явно его мучил:

– Я никогда не спрашивал тебя... – неуверенно начал он. – Ты знаешь, лезть не в своё дело мне не свойственно. Но ответь, пожалуйста, почему ты так поспешно уехала, никому ничего не сказав?

Лана понимала, он заслуживает объяснений, но вываливать наружу всё то, что накопилось за годы, было выше её сил. Знала, что он догадывался о методах воспитания своей тётки, но погружать его в это ещё глубже, ей не хотелось.

– Скажем так, у нас с Агатой возникли кое-какие разногласия, – начала она, вспоминая тот злополучный день.

Слова Агаты о родителях стали последней каплей, что, наконец, переполнили чашу терпения. А стоит ли ворошить прошлое сейчас, когда единственный человек, имевший возможность рассказать правду о родителях, завтра будет предан земле? И ей снова предстоит жить с этими вопросами, оставшимися без ответов. Набрав воздуха в лёгкие, как для прыжка в воду, она выпалила:

– Дядя, теперь, когда её больше нет, я хочу знать всё о моих родителях?

К этому он был не готов и Лана сразу это поняла. По слегка дрожащей руке, потянувшейся за платком в нагрудный карман. Ян уже был не рад, что задал тот вопрос, осознавая, что сам только что, своим любопытством, прорвал эту плотину.

– Извини, но я не могу ничего тебе рассказать.

Он сдёрнул с носа очки и принялся торопливо протирать стёкла, избегая смотреть на племянницу. Этот его жест она знала ещё с детства. Дядя нервничал и явно не хотел продолжать эту тему.

– Не можешь или не хочешь? – не унималась Лана.

– Извини, она взяла с меня слово, что я не буду вмешиваться, – словно оправдываясь, произнёс он.

– Даже сейчас, когда она умерла? – спросила она, почувствовав, как в ней закипает злость к этим двоим, сговорившимся за её спиной.

Она имеет право знать!

– Извини меня. Не нужно этого... Так будет лучше, – сказал он и поднялся с кресла. – Тебе нужно отдохнуть. Увидимся утром. Завтра будет тяжёлый день для нас обоих, девочка.

– Да, – задумчиво ответила Лана, вслед за ним подходя к входной двери.

Ей оставалось только гадать, что же могло произойти в прошлом её семьи. По обрывкам разговоров людей, смолкавших всякий раз, стоило ей только появиться, она поняла, что произошло что-то нехорошее. Потом её осенило. Возможно, она приёмная и её удочерили, а родителей никогда и не было!

И она тут же выдвинула эту версию Агате, которая долго смотрела на маленькую девочку, а после проворчала: *«Не будь идиоткой, Ланка! И не трепи мне нервы своим бредом, иначе снова придётся тебя проучить».*

Едва услышав ненавистное «проучить», Лана тут же исчезала, обещая себе в будущем найти более терпимого слушателя. Это был, словно замкнутый круг. Даже сейчас обойдя весь дом, она не нашла ни одной вещи, которая бы могла принадлежать её матери. Агата избавилась от всего, что когда-то напоминало о дочери, не дав внучке возможность узнать истину.

Теперь её уже ничто не сдерживало.

Глава 2

18 ноября 2016 год

День до расплаты.

В комнате было тихо и только тяжёлое, хриплое дыхание выдавало присутствие в ней человека. Вальтман полулежал в своей постели, окружённый медицинским оборудованием, поддерживающим в его теле тень того, что лишь с натяжкой можно было назвать жизнью. У него был рак лёгких, четвёртая стадия – последняя, если быть точнее. Хотя его лечащие врачи всячески избегали говорить это слово «последняя», будто это могло что-то изменить. Словно это не означало конец, за которым последует лишь мрак и ничего более.

Насмешка судьбы, которая отмерив ему слишком долгий век, решила напоследок показать ему, кто здесь главный! Организм был слишком стар и изношен, чтобы побороть эту заразу, медленно день за днём разъедавшую его изнутри. Ведущие онкологи страны, специалисты с мировыми именами следили за его состоянием, пичкали его таким количеством лекарств, что он временами не мог ясно мыслить. И его постоянно терзал вопрос, который, как навязчивая идея, застрял в мозгу. То что он видит и чувствует – это эффект всех этих разноцветных пилюль или же это его дряхлый мозг даёт сбой и посылает все эти ведения и мысли, как мухи зудящие в его голове, не дающие ему покоя ни днём, ни ночью?

Было потрачено целое состояние на проведение различных процедур, большинство которых не имели никакого смысла. И что же он услышал в итоге? Жить ему осталось всего ничего! Какие-то недели, может даже дни. Врачи потерпели фиаско! Этот монстр слишком глубоко запустил свои щупальца в его лёгкие, которые с каждым новым вдохом горели так, словно не кислород наполнял их, а раскалённая лава. Рак победил окончательно, он торжествовал, сделав его своим рабом!

Он очень устал и больше не хотел продолжать эту бессмысленную борьбу с невидимым противником. Ему надоело жить в этих стерильных помещениях, пропахших лекарствами, с постоянно мелькающими людьми в белых халатах: медсёстрами и врачами. Надоели все эти процедуры, делающие его безвольным «овощем», пускающим слюни. Он был не в силах терпеть постоянную боль, которую хочется хоть как-то приглушить, убежать. Он не мог ходить, не мог сидеть, не мог есть, не мог дышать! Со временем перестали спасать даже сильнейшие обезболивающие, и он был готов лезть на стену, стал раздражительным. Злость, вот то, что он испытывал: на людей, на мир, больше всего на самого себя.

Не видя смысла продлевать свои мучения в клинике, решил, что проведёт последние дни там, где чувствовал себя хозяином – дома. А вернувшись, понял, ровным счётом мало что изменилось. И где он слышал, что родные стены лечат? Чушь! Пребывая практически круглые сутки в одной и той же комнате, от вида которой его уже тошнило, у него появилось достаточно времени, чтобы наружу, словно черти из ада, лезли воспоминания о прожитых годах и поступках им совершенных. И становилось страшно при мысли, что «там» ему придётся ответить за всё! Страшно до дрожи, до конвульсий сотрясающих его почти прогнившее тело.

Он перестал спать ночами, а когда усталость и лекарства всё же брали над ним верх, и глаза его закрывались, его окружало, словно сжимающееся кольцо из тел тех, в чьих смертях он был повинен. Чьи жизни принёс в жертву своим амбициям. Его жертвы! Это были всего лишь тени, призраки прошлого, которые тянули к нему свои истлевшие, корявые пальцы. Он практически чувствовал этот зловонный запах гниения и разложения, и эта с трудом переносимая вонь была теперь частью его жизни, отравляя всё вокруг, делая омерзительными вещи, которые когда-то были ему так дороги.

Запах тлена и безысходности.
Запах смерти и вечной муки.
Его собственный запах!

Он не хотел туда, к ним. Хотел лишь спокойно умереть в своём собственном доме, в своей собственной постели. Надеялся, что так и случится, и все, что ждёт его впереди это тихая, скорая смерть и покой. Или забвение. Вот только старуха с косой не спешила забирать его немощное, дряхлое тело, будто зная, что не все земные дела он закончил и не во всех грехах покался.

Понимание того, что ничто не способно спасти его тёмную душу, приходило к нему постепенно, день за днём, год за годом. Но даже эти мысли не могли приглушить эту проклятую боль. Он знал, что скоро впадёт в то пограничное состояние между жизнью и смертью, когда перестанет воспринимать мир вокруг. Но боль останется с ним до конца! И всё-таки он цеплялся за жизнь, стремился выиграть время, оттянуть тот миг. Хотя зачем ему продолжать своё существование, терпеть и дальше эту агонию? Он слишком долго готовился к этому дню, надеялся. Дурак! И вот, когда смерть подобралась к нему достаточно близко, он не хотел уходить вот так...

«Это всё она, – думал Вальтман, слушая свою гостью. – Мой палач. Пришла в тот момент, когда я почти смирился, почти отпустил этот мир».

И сквозь замутнённое, воспалённое сознание он ощутил, как вместе с её резкими словами наружу вырвалось всё то, что он держал в самых отдалённых уголках своей памяти, пытаясь десятилетиями вытравить воспоминания давно минувших лет. Он был слишком слаб, чтобы ясно мыслить и понимать всё то, что она говорила. Её тихий, обманчиво спокойный голос с трудом проникал в его отравленное таблетками сознание. Лишь одна мысль пульсировала, словно сигнальная кнопка тревоги. Она всё знает! Но откуда? Это было не возможно. Те, кто знал – были мертвы, их плоть давно сожрали черви.

Может это его совесть? Может она то, что является перед смертью каждому человеку, меняя лишь обличие, но не цель? Она жаждала правды! А он искупления! И вот он уже больше не мог сдерживать поток воспоминаний. Они как бурная, полноводная река стремительно неслась, сметая на своём пути все преграды, возведённые им.

Лёжа в темноте, он перебирал в памяти все то, что было совершенно им в молодости, когда жизнь только начиналась, а смерть казалась чем-то очень далёким и нереальным. Он просто жил и наслаждался, делал то, что казалось, если и не правильным, то просто необходимым. Когда ты молод, тебе кажется, что любому, даже самому мерзкому поступку можно найти оправдание, и нет времени задуматься, что настанет тот час, когда придётся нести ответственность. А он обязательно настанет!

В последнее время он часто задавался вопросом. Изменил бы он что-нибудь, предложи ему такую возможность, или оставил бы всё, как есть и вновь прожил бы эту жизнь полную раскаяний и одиночества? Он не знал. Он был чудовищем! И остался им, даже проведя на этом свете век. И ничто уже не могло этого изменить.

Хотя, как повернулось бы всё, не соверши он тогда того, что сделал? Может, и не было бы сейчас тех демонов, пожирающих его душу. И внутри царил бы покой. И не было бы этого страха перед смертью и той неизвестностью, что ожидала впереди.

Все эти терзания разъедали его. Видимо, этот крест ему нести до последнего вздоха. Но ужаснее всего было понимание того, что его ошибки породили нечто ужасное. Нового монстра, более жуткого, чем он сам!

– Войдите, – услышал он голос по ту сторону двери и нажал на дверную ручку, впуская с собой частичку света и напрягся.

Когда сегодня, рано утром, к нему в дверь постучали двое, с настойчивой просьбой проследовать за ними, он внутренне напрягся. Собрался наспех, не позавтракав, вышел из своей небольшой комнатки, три на четыре, которая служила ему домом уже больше года. Садясь на заднее сидение огромного внедорожника с тонированными стёклами, он размышлял над тем, что он почти у цели и от возбуждения у него покалывали кончики пальцев. Он с трудом сдерживал внутренний трепет.

В салоне пахло дорогой кожей и сигаретным дымом. Он сам никогда не брал в руки сигарет и плохо переносил этот запах. Всё его детство было пропитано никотином, смешанным с запахом перегара.

Глядя на коротко стриженные затылки, сидящих впереди мужчин, гадал: «А что, если бы отказался ехать, неужели повезли бы силой? Как овцу ведут на заклание, не знавщую, что её ждёт впереди!»

Для этих двоих он был никем. Всего лишь инструментом в чужих руках. Возникла глупая мысль, воспротивиться «похищению» и посмотреть на реакцию. Но он не мог. Хотя в их просьбе не было и намёка на неуважение, в суровых взглядах чувствовалась скрытая угроза. Эти люди не приняли бы его отказ, они не привыкли, что кто-то может себе позволить сказать им «нет».

За всё время пока они добирались до пункта назначения, не было сказано ни слова, если не считать тихого голоса ведущего, с местной радиостанции, бодро вещавшего гороскоп на этот день. Сидя на заднем сидении, чтобы хоть чем-то занять чем-то свои мысли, он прислушался. Очередь, наконец, дошла до его знака зодиака.

– Этот день сулит большие перемены в вашей размеренной жизни. Он будет переломным. Честность и предприимчивость станут ключевыми понятиями на этой неделе в целом. Будьте аккуратны в выборе новых знакомых и не запланированных встреч, они могут иметь для вас катастрофические последствия.

– Кто бы сомневался, – пробормотал он и ему тут же повернулся один из сопровождающих с немым вопросом в колючем взгляде. – Мысли вслух, – пояснил он и тут же добавил. – Могу я узнать, куда мы едем?

– Почти приехали, – бросил тот через плечо.

Не на такой ответ он надеялся. Руки его сжались в кулаки, но он заставил себя успокоиться. Здесь явно не хотели считаться с его мнением, а этого он не любил. Ему даже чашку крепкого чая выпить не дали – это была его маленькая прихоть, его лишили и этого. Он чувствовал раздражение, а такое состояние было неприемлемым, и злился на себя за такую слабость.

Единственный секрет его успеха был в его силе воли. Он гордился тем, чего достиг, шаг за шагом продвигаясь к своей цели, и такие маленькие слабости, как гнев, были неприемлемы.

Вскоре тяжёлый внедорожник замер в нескольких метрах от старинного здания из серого камня. Все трое выбрались из автомобиля. Ему никогда не доводилось бывать здесь. Вчера он вообще впервые услышал об этом доме и его хозяине. Совпадение ли это?

Один из «конвоиров» сразу же, как только за ними закрылась тяжёлая входная дверь, исчез в глубине дома, второй жестом попросил следовать за ним. Их шаги заглушал длинный ворс натурального ковра. Остановившись, бугай открыл боковую дверь и, отступив в сторону, жестом пригласил его войти внутрь.

Но он не двигался, замер, словно не решаясь переступить порог, будто невидимый барьер удерживал его – стена из темноты и неопределённости. Мог лишь с трудом различить тени. Нужно было время, чтобы дать привыкнуть глазам к темноте... и запаху – тошнотворному и такому плотному, что казалось, вырвавшись из плена комнаты, тот обволакивал тело невидимой плёнкой. Запаху долгой болезни и приближающейся смерти.

Тому, кто находился внутри, суждено умереть в ближайшее время. Уж в этом-то он разбирался много лучше других. Чувствовал, как смрад с каждым новым вдохом проникает в его лёгкие и оседает там.

«Знакомо», – мелькнула мысль, и горло свело судорогой. Он вспомнил женщину, что родила его.

– Войдите и закройте за собой дверь, я плохо переношу свет, – долетел до него властный и неестественно хриплый голос.

Говоривший, произносил слова медленно, делая длинные паузы, будто ему не хватало воздуха на то, чтобы закончить предложение. Он, наконец, сделал шаг, оставляя снаружи постового со сложенными за спиной руками.

«От кого охраняют этого старика? От какой угрозы?» – мелькнула мысль.

В ту же секунду в комнате вспыхнул тусклый свет. Старинный светильник, лишь отчасти освещал комнату, оставляя углы и противоположную стену во мраке. Первое, на что наткнулся его взгляд, когда глаза привыкли к свету, это огромные стеллажи из тёмного дерева набитые таким количеством книг, которое он видел, должно быть, только в библиотеках. Но эти, несомненно, были очень ценными – в дорогих переплётах, расставленные в определённом порядке и цветовой гамме. В углу – массивный, деревянный стол в форме полукруга, фасад украшала искусная резьба. Вся мебель была из прошлых столетий, как и тёмные деревянные панели, доходившие до середины стен. Тяжёлые шторы преграждали путь естественному источнику света.

Единственными лишними деталями здесь был белоснежный, медицинский аппарат с мигающими лампочками и узкая металлическая кровать. Этим чужакам было здесь не место. На этой самой кровати, обложенный со всех сторон подушками, полулежал сам хозяин дома.

То, что когда-то было сильным, здоровым мужчиной, превратилось в высохшую мумию с обтянутым кожей скелетом. Голова старика, казавшаяся неестественно большой на тонкой шее, была абсолютно лысой и вспухшей от вен, плечи и руки, скрытые под больничным халатом, были слишком худыми, а длинные, скрюченные пальцы на концах имели шарообразную форму. Этими пальцами старик то и дело прижимал к лицу прозрачную, кислородную маску, трубка, которой, словно змея тянулась куда-то вниз. Больной тяжело дышал, с каким-то свистящим звуком и хрипом, вырывающимся откуда-то из нутра грудной клетки. Нижняя часть тела было скрыта одеялом.

– Насмотрелись? Или ещё полюбуетесь? – со злой усмешкой спросил старик, убирая маску в сторону.

Голос его был настолько хриплым, что сразу всплывали ассоциации со скрипом старых половиц. Некоторые слова вообще с трудом удавалось разобрать.

От звука этого голоса он вздрогнул и очнулся от шока, в котором пребывал последние секунд двадцать. Сделав шаг, он протянул руку в приветствии.

– Извините. Мы не знакомы. Моё имя... – гость не успел договорить, старик тут же поднял свою тощую руку и вяло отмахнулся от него, как от назойливой мухи.

– Мне наплевать на ваше, чёртово, имя. Знаете, зачем вы здесь? – спросил он, переходя сразу к делу.

– Нет. Ваши люди ничего мне не объяснили.

– Вы молоды... – думая о чём-то своём, протянул старик. – Сколько вам лет?

– А это имеет какое-то отношение к моему визиту сюда?

– Хочу быть уверен в том, что вы именно тот, о ком мне рассказывали. Своим нынешним положением и этим местом вы обязаны мне. Не забывайте об этом! И надеюсь, вы в состоянии справиться со своей задачей?

– Справиться с чем?

– С той ролью, которая вам отведена.

Его начало раздражать то, что этот маразматик говорил намёками. Судя по тому, что он видел, хозяин комнаты явно был не в себе и не мог здраво мыслить. Такие люди были опасны. И что за идеи могли возникнуть в воспалённом мозгу старика, он и представить себе не мог. Но едва взглянув на количество лекарств, стоящих на прикроватном столике, понял, почему тот так медлителен. Как наркоман после долгожданной дозы.

– Поверьте, я сделаю всё, что в моих силах, – спокойно ответил гость.

– У вас всё равно нет выбора, – проворчал недовольно хозяин и тут же зашёлся в сильном приступе кашля.

Его совершенно лысая голова тут же покрывалась паутиной из вздувшихся синих вен, проступающих сквозь тонкую, словно пергамент кожу.

Выждав, пока больной снова сможет принимать участие в разговоре, гость спросил:

– Я могу вам как-нибудь помочь?

– Обойдусь, – отмахнулся тот. – Как видите я почти мертвец. У меня рак! Я и так прожил гораздо дольше, чем мне предписывали эти «ветеринары», – словно что-то горькое, выплюнул он последнее слово. – Представляете ли вы, каково это знать, что жить осталось считанные дни? Но самое ужасное, это когда ты проживаешь ещё день и ещё... Словно в насмешку. Знаете ли вы, сколько человек ежегодно умирает от рака?

– Нет.

– Восемь миллионов! Представьте эту цифру. Эту толпу! И если бы среди них были такие, как я, было бы не так горько. Но рак не щадит никого, даже детей.

– Это ужасно.

– Да уж. Но сейчас не об этом. В последнее время меня одолевают разные мысли, касательно того, подвёл ли я черту под всеми своими делами, исправил ли ошибки, которые можно было исправить, – он замолчал, давая себе возможность сделать глоток кислорода из маски. – Я за свою долгую жизнь успел натворить всякого, и не хотелось бы мне уходить с таким грузом. А вы у нас, вроде, как раз и занимаетесь тем, что выслушиваете таких, как я грешников? – и он, наклонив голову чуть в бок, взглянул на гостя с мелькнувшим в мутных глазах любопытством.

Ему вдруг показалось, что старик увидел ещё что-то, но это длилось всего лишь мгновение.

«Будто энтомолог с лупой любителю на нового жука или бабочку из своей не живой коллекции, нанизанную на булавку» – пришло ему тут же в голову.

За прожитые годы он такого узнал о том, что твориться в черных душах людей, что сомневался, что этот измождённый болезнью человек, сможет его удивить.

– Это мой долг выслушать вас, тем самым облегчить вашу душу.

– Насколько я помню, вы в нашем приходе недавно? – сощурился старик.

– Около года.

– Я не слишком хорошо знал вашего предшественника. Хотя ничего удивительного с моей-то верой в церковь и Бога.

– Когда я приехал, люди разное болтали...

– Вы про то, как он умер? Да уж смерть жуткая. Каждому из нас суждено пройти через что-то подобное. Рак – это ведь тоже своего рода зверь.

Его тонкие, иссохшие губы, словно трещина разделили лицо. В комнате повисла тишина. Каждый думал о своём. Старик заговорил первым, взгляд его был направлен куда-то в сторону.

– Неужели люди, правда, верят в то, что если они поведают о своих грехах, им станет легче?

– Не мне они изливают душу, через меня они общаются с Богом. Может, и вы для себя получите столь желанное искупление?

– Да бросьте! – и вновь тот был сражён новым приступом каркающего кашля.

– Давно уже доказано, что мы с вами даже и не от обезьян произошли и старик Дарвин ошибался в своих теориях, а вы мне... – и он махнул анорексичной, серой, на фоне пигментных пятен, рукой.

– Я никого, и уж тем более вас, в вашем почтенном возрасте, не принуждаю к вере. Думаю, если это не удалось сделать до меня, то и не мне пытаться. Это ваш выбор. Кто-то хочет верить и верит, и живёт в гармонии с собой и миром, а кто-то... Вы что желаете для своей души?

– Умереть спокойно и не испытывать терзания, что не исправил того, что можно было исправить, – с вызовом произнёс старик.

Гость кивнул, наконец, понимая, что их разговор затянется надолго. Старик говорил медленно и делал долгие паузы, чтобы перевести дух и вдохнуть кислород из маски.

– В любом случае вы пригласили меня сюда, чтобы я выслушал вас.

– И наш разговор останется в этом доме и этой комнате? Даже, если вы услышите такое, от чего придёте в ужас?

– Да, конечно.

– А знаете, я ведь уже очень давно никому не доверяю. Люди бывают очень коварны. И уж тем более я никогда и никому не изливал душу. Моё молчание не раз спасало мне жизнь. Но вот пришло и моё время. Каждый человек способен на такое, с чем потом ему приходится жить всю жизнь в невыносимых терзаниях. Все мы способны либо на хорошие дела, либо на плохие. Золотой середины нет. Только вот, как узнать, где какие? Если кто-то совершает что-то хорошее во благо себе, то он вполне вероятно, тем самым причиняет вред кому-то? Может быть, и не осознано, но выбор-то у него не велик? И наоборот. Это своего рода равновесие вселенной. Если человек что-то берёт, то тут же вселенная готова что-то отнять.

– Можно совершать благие дела и для других и для себя?

– Да бросьте вы! – отмахнулся старик. – Я сказал: одно из двух! Перед каждым встаёт такой выбор, и он должен решить, что делать, потому что от этого зависит вся его дальнейшая судьба. И вот я – почти мертвец, лежу и думаю: А все ли мои скверные поступки, совершённые за почти вековую жизнь, были такими уж плохими? Ведь я делал их себе во благо. И как вы или ваш Бог будете оценивать их?

– Я не берусь судить. Если вы хотите, чтобы ваши прошлые дела были подвержены критике, то вы обратились не по адресу. Я выслушаю вас, но поверьте, вы не услышите от меня ни слова упрека, если сами не пожелаете услышать моё мнение.

– Да уж, а способны ли вы, вместе со мной похоронить мою исповедь?

Снова мелькнула мысль: «Это будет долгий день».

Слишком явно от старика веяло недоверием и неприязнью.

– Обещаю, сделать всё от меня зависящее. Этот разговор от начала и до конца останется в стенах этого дома.

Хозяин с удивлением и издёвкой в голосе произнёс:

– Что вот так просто? А какие-нибудь там напутствия, может, прочтёте что-нибудь из своей книжонки, не зря же вы притащили её в мой дом? – саркастически поинтересовался старик.

– Может, начнём? Расскажите, что вас терзает? – пропустил гость мимо ушей сарказм в голосе больного.

– Молодёжь! Всё время куда-то спешите, – проворчал тот недовольно.

Вальтман задумался. Раз уж представилась такая возможность, что сказать, с чего начать? Что можно опустить, а что и вовсе не имеет значения? Он прошёл такой долгий путь, что порой и сам начинал задаваться вопросом. Что из того, что помнил, было истиной, а что игрой его

воспалённого, повреждённого болезнью и старостью мозга? Как отделить правду от вымысла? Что-то уже, наверняка, стёрлось из памяти безвозвратно.

Он силился, вспомнить, где впервые оступился, где сделал неверный выбор, пойдя на поводу у своих эмоций и желаний. Сейчас, когда его готовы были выслушать, он не знал с чего лучше начать и задавался вопросом. Что сделало его чудовищем, погубившим чужие жизни? И не мог найти ответа.

Его гость, тем временем, продолжал безмолвно стоять напротив, терпеливо ожидая.

– Так и будете стоять, как истукан или возьмёте стул и сядете? – рукой указал куда-то за спину гостя. – Разговор предстоит долгий.

Наблюдая, как выполняются его указания, он пристально вглядывался в темноту за спиной мужчины. Всё к этому и шло. У него нет выбора, как нет выбора и у того, кого привели сюда по его приказу.

– Пожалуй, для начала я должен представиться, – начал он свой длинный рассказ. – Скажем так, все события, которые происходили в моей жизни – это нежелание смириться с тем, кто я есть на самом деле. Моё имя Виктор Вальтман! И я семьдесят лет, как мёртв!

Он не следил за молодым мужчиной, перед ним. Он хотел увидеть другое лицо. Но то лицо скрывала тьма. И смирившись, стал наблюдать, за сидящим напротив гостем: лёгкий прищур, недоверие во взгляде, морщинка расколовшая лоб надвое. Но это длилось не дольше пары секунд, а следом осознание и... шок!

Немощное тело больного расслабилось в своей мягкой, белоснежной клетке. Он был доволен тем, какие эмоции вызвал.

Он выждет ещё минуту и можно начинать...

Глава 3

9 ноября 2016 год

Десять дней до расплаты.

Почти полдень.

Дыхание, белыми клубами пара, вырывалось из многочисленных ртов людей, пришедших проститься с покойной. Лана спрашивала себя: «Кто они?» Стояли, пялились на неё, словно знали что-то такое, чего не знала она. Что-то ужасное. Со всех сторон до неё доносился шёпот. И это не просто раздражало, это уже бесило, но она лишь молча наблюдала за происходящим вокруг, цепляясь за локоть дяди, как за что-то надёжное, вечное. Тело Агаты придали земле на городском кладбище.

Лана впервые оказалась здесь и была поражена мрачной, безмолвной красотой этого места. Без какого-либо видимого порядка из земли торчали аккуратные надгробия с датами и именами. Змейками разбежались дорожки, покрытые тонким слоем льда. Вековые голубые ели, раскидистыми ветвями, словно огромными лапами, укрывали тех, кто уже никогда не проснётся. И много цветов, с прихваченными морозом нежными лепестками. Несмотря на жуткий холод и ветер, который проникал, казалось, даже под кожу, люди стояли, изображая на лицах не испытываемую ими скорбь. Больше половины пришедших проститься с Агатой, были Лане незнакомы, она видела их лица впервые. Ян только пожимал плечами на её вопрос, кто все эти люди.

Едва стоило утром выйти из дома своей бабки, тут же поняла, насколько плохо её одежда подходила для такой погоды и теперь стоя у могилы, она тряслась от холода. Но купить что-нибудь потеплее, значило бы задержаться здесь, а этого она не могла себе позволить. Это уже не её место, не её дом.

– Они пришли проститься с твоей бабушкой, – вернул её к действительности голос дяди.

– Я не уверена, что кто-нибудь из них вообще её знал, – проворчала она в ответ, чувствуя, как спину сковало от холода, а пальцы без перчаток начали неметь.

Решив, что достаточно времени пробыла здесь и, положив цветы на свежую могилу, Лана уже собралась уходить, как краем глаза уловила движение в стороне.

– Что здесь делает Вальтман? – нахмурилась она и тут же почувствовала, как напряглась рука дяди под её озябшими пальцами.

– Ты не знала? – даже не повернув головы в сторону человека, о котором они говорили, ответил Ян. – Они были знакомы... Александр и Агата.

– Впервые слышу.

Это было для неё новостью.

Чтобы эти двое знали друг друга?

Невероятно!

Незаметно наблюдая за последним представителем богатейшей семьи страны, которому должно быть уже под сто лет, она пыталась представить магната и свою бабку рядом. Слишком велика была пропасть между этим воротилой, давно отошедшим от дел и затворницей Агатой. Хотя теперь мало что напоминало о былой силе и могуществе Александра Вальтмана. Он давно утратил всё своё величие, превратившись в немощного старика, который последние лет двадцать передвигался только в инвалидном кресле, в сопровождении охранника-няньки.

Сейчас он сидел, сжимая охапку свежих, кроваво-красных роз, а его серые, мутные глаза излучали лишь высокомерие ко всему окружающему: к толпе, их показному горю и сочувствию. Он презирал всех вокруг и не скрывал этого. И за это его боялись, и уважали. За те миллионы,

что тратил его фонд на больных детей, нуждающихся в лечении или в дорогостоящих и сложных операциях или на научные исследования по изучению неизлечимых заболеваний. Всё это было заслугой этого высохшего, зловерного старика.

Лана вдруг вспомнила, как давно – ещё в прошлой жизни – увидела статью о том, что известный меценат и его частный благотворительный фонд, в очередной раз, пожертвовали целое состояние для детей-инвалидов.

Реакция Агаты была странной. Она отшвырнула газету и зло прошептала:

– *Сколько бы он не совал свои бумажки сиротам, все равно нуτρο останется прежним.*

Больше Агата о нём никогда не упоминала. Что их могло связывать? Та прожила жизнь, как изгой и умерла в одиночестве, практически никогда в их доме не появились гости. Теперь же все желающие могли вдоволь удовлетворить своё любопытство, что они и делали, открыто пялясь на внучку умершей.

Больше не в силах терпеть, она сделала несколько шагов к выходу и замерла, услышав в толпе шёпот.

– А Клара тоже хороша. Так опуститься!

Лана чуть не задохнулась. Они говорили о её матери! Имя – это единственное, что знала она о женщине, которая дала ей жизнь. Зато эти две клуши знали о Кларе Берсон не понаслышке.

– И не говори, – прошептала другая. – Непутёвая дочь! Такая ноша для старухи. Вон, как жила. Может внучка от такой жизни и сбежала?

– Я её встретила как-то – Агату, так она на меня даже и не взглянула. Может и к лучшему, что та остаётся в неведении. Такое не каждый выдержит. После того, как старуха осталась одна, она совсем плохая стала. Говорят, память подводит начала.

– Бедная, только ради внучки и жила. После такого хоть в петлю.

– Может и к лучшему, что всё так кончилось...

Дальше Лана не смогла расслышать слов, женщины отошли слишком далеко. Её раздражение росло. Снова загадки. Снова недомолвки. Что же случилось в прошлом с её семьёй? Какие тайны хранила Агата? Ей так надоело строить бесполезные предположения.

Все эти мысли, дремавшие одиннадцать лет, словно голодные псы, вновь начали поднимать свои морды и скалить зубы, чувствуя, что напали на след. Тогда она ничего не добилась и просто сбежала, но теперь её уже ничего не сдерживало от поисков правды, какой бы та ужасной не оказалась.

Не в силах больше терпеть лицемерия со стороны незнакомых ей людей, вернулась в дом Агаты. Чтобы хоть как-то занять себя, решила разобрать старые вещи, которые Ян предложил отнести в церковь. И ей нужно было решить, что оставить, а что отдать. Комната Агаты была самой маленькой в доме. В детстве Лана редко в ней бывала. Даже сейчас здесь всё напоминало о старой женщине. Казалось, что вот сейчас она обернётся и увидит, как та сидит в кресле у комода за вязанием, или молча стоит у окна, вглядываясь вдаль. Та могла часами так стоять: задумавшись, не шевеля ни единой косточкой своего дряхлого тела. Будто ждала кого-то.

В бывшей комнате Ланы всё лежало на своих местах, словно она и не покидала её. Быстро рассортировав вещи по чёрным пластиковым пакетам и оставив их перед входной дверью до прихода дяди, она решила, что ноги её больше не будет наверху.

Оставался подвал. И десять злосчастных ступеней. Это она помнила слишком отчётливо, проводя взаперти в этом маленьком аду долгие часы своего детства. Она выросла, но страхи так и остались, плотно угнездившись в её сознании и побороть их можно было, только встретившись с ними лицом к лицу.

Постояв перед дверью какое-то время и собираясь с духом, Лана, наконец, толкнула дверь под лестницей. Старые петли тут же отозвались стоном. Пошарила рукой по стене и внизу вспыхнул тусклый свет одинокой лампочки под низким потолком.

«Всего десять», – уговаривала она себя, делая первый шаг.

Под тяжестью её тела рассохшиеся ступени издавали жуткий стон, как тогда в детстве, когда Агата заталкивала её сюда и запирала, заранее выкрутив лампочку. Маленькая Лана сначала просила, умоляла, потом плакала. А когда слёзы высохали, просто сидела, обняв себя руками за плечи, не в силах преодолеть те десять ступеней. Сейчас страха уже не было, только отзвуки ненависти к старой хозяйке дома.

Всё было на своих местах: старые зимние вещи на растопыренных напольных вешалках, притихший холодильник-монстр в углу и старые чемоданы у дальней стены. Работы было много.

Морщась и чихая от накопившейся за десятилетия пыли, она открывала их один за другим. Тут была поношенная, и давно вышедшая из моды одежда, от которой давно следовало избавиться, ёлочные стеклянные игрушки, детские вещи, старинное постельное бельё, пропахшее плесенью и её школьные тетради.

Она равнодушно пробегала глазами по разноцветным корешкам, когда взгляд зацепился за одну из них. Одна тетрадь ей не принадлежала. Почувствовав, как взмокли ладони, Лана медленно протянула руку. На зелёной кожаной обложке с загнутыми от старости краями, мелким убористым почерком было выведено имя: *Берсон Агата*.

Руки затряслись, когда она осознала что скрывает тетрадь. Это был дневник и, судя по его толщине, на его страницах могли быть ответы на все её вопросы. Первой датой стоял апрель 1939-го года. Агата его вела с десяти лет.

Впервые в жизни Лана задумалась. А как хорошо она знала старую женщину, с которой прожила большую часть своей жизни? Что ещё в этом доме было скрыто от её глаз? И как можно было утаить от неё такое? Тут же перед мысленным взором предстала постоянно запертая на ключ дверь комнаты бабки.

Потеряв всякий интерес к уборке и подвалу, она с тетрадью в руках влетела в гостиную и, забравшись с ногами на диван – зимой она всё время мёрзла – открыла на первой попавшейся странице.

«23 мая. 2010 год. Я совсем одна. Не такую старость я себе представляла. Но не мне судить. Надеюсь, время всё исправит. Хотя думаю, что всё уже на своих местах... Сердце опять болит, доктор выписал новый рецепт. Не забыть завтра попросить Яна захватить в аптеку».

Переворачивала пожелтевшие страницы и узнавала всё новые подробности жизни Агаты без себя самой. Записи были короткими и иногда обрывались на середине фразы, а то и слова. Чтение, и без того местами непонятного текста, усложнял мелкий, местами неразборчивый почерк. Чем дальше она читала, тем отчётливее понимала, каждая новая строка давалась старой женщине с огромным трудом.

Она прочла последнюю запись:

«4 апреля. 2011 год. Только что вернулась в город. Всё без изменений. Каждый месяц моя надежда всё больше увядает вместе со мной. В ответ я слышу только тишину и ничего более... У меня нет никакой возможности исправить всё. Напрасные терзания. Это мой крест. Я проклята! А вместе со мной в этой пучине и моя кровь на многие поколения...»

Эти слова, больше смахивали на бред. Что без изменений? И куда ездила Агата каждый месяц? И почему она проклята? Единственное, что поняла, так это то, что та считала проклятой и её – Лану.

Далее шли чистые, не исписанные страницы. Последняя запись – пятилетней давности. Видимо после, Агата совсем сдала, и дневник оказался среди ненужного хлама.

Она до сих пор не могла до конца поверить, что в её руках оказалось то, что хоть как-то могло пролить свет на все тайны, которые скрывались от неё все эти годы. И вот теперь

ей стало страшно. Она боялась узнать правду. Боялась, что может не справиться с тем, что кроется на этих страницах.

Лана помедлила, но всё же открыла первую страницу и словно тёмные воды, её поглотило прошлое.

Маленькая Агата начала вести дневник во время обучения в школе для девочек. Она достаточно красочно расписывала взаимоотношения со сверстницами и педагогами. Такие редкие и от того более долгожданные поездки домой на каникулы и семейные праздники. Встречи с единственной подругой Мэри, с которой она была очень близка, несмотря на разницу в возрасте – четыре года. Агата часто называла её «старшей сестрой». Их совместные прогулки, пикники на природе. Была ещё кузина, в будущем мать Яна, но с ней отношения Агаты не заладились.

Далее характер написания менялся. Началась война с её разрушениями и жертвами. Все тяжёлые последствия были описаны в этих строках: постоянный голод, потери близких, которые понесла практически каждая семья их городка, ожидание того, что и к ним придёт весь тот ужас, в котором жил остальной мир.

Лана словно окуналась в тот далёкий мир, в котором жила молодая, полная надежд девушка, со своими мечтами и желаниями о лучшей жизни. И сколько не пыталась она взглянуть в этой жизнерадостной девушке ту замкнутую, нелюдимую старуху, что так «любила» заниматься воспитанием своей внучки, у неё ничего не выходило. Тот мир, словно не принадлежал Агате. Описание счастливых дней и осознание того, что ненавистная война наконец-то окончена, и скоро всё встанет на свои места. Далее неожиданная смерть матери, отец погиб чуть ранее – в последние годы войны. Скорбь!

Но постепенно всё наладилось. И одним из таких светлых моментов стала свадьба её лучшей подруги Мэри и Александра Вальтмана. Союз красивой, деревенской девушки и обедневшего героя войны из влиятельной и когда-то очень состоятельной семьи. Это скромное мероприятие стало событием года, обсуждаемым всем городом. Как писала Агата, недоброжелателей у этой пары хватало. Многие сомневались в чувствах Мэри, приписывая ей какие-то тайные намерения, но если та и была охотницей за деньгами или положением, её подруга об этом ни разу не упомянула.

Пробегая глазами текст, наткнулась на запись:

«16 января 1946 год. Мэри исчезла! Её ищет весь город. Одни шепчутся о побеге. Другие уверены, что не могла она убежать на восьмом месяце беременности. Я жду страшных новостей, но их всё нет. Неизвестность иногда бывает хуже, чем самые худшие вести. Меня мучают кошмары. С каждым днём я все отчетливее понимаю, что уже никогда ничто не будет, как прежде».

Лана была ошеломлена. Мало того, что она даже не предполагала, что этот тиран Вальтман был когда-то женат, на подруге Агаты – какой-то Мэри, так ещё и это загадочное исчезновение беременной женщины. Всё это было очень странно. Судя по следующим записям, несмотря на тщательные поиски мужа и полиции, в последующие годы Мэри так и не была найдена.

Глаза слипались, часы показывали половину шестого и вконец обессиленная, решила отложить чтение до утра.

Её разбудил стук в дверь. Ужасно хотелось спать, но она всё же заставила себя разлепить глаза и подняться с кровати. Молча открыла дверь и так же молча отправилась в ванную комнату, чтобы привести себя в порядок.

– Кажется я слишком рано? Я пришёл за вещами... – вместо приветствия крикнул ей вслед дядя, проходя напрямик на кухню с бумажными пакетами в руках. – Я принёс тебе еды, холодильник, должно быть, пуст.

Через двадцать минут они сидели за столом и завтракали свежими булочками с джемом и пили кофе.

– Почти полдень. Поздно легла? – поинтересовался он, делая глоток обжигающего напитка.

– Под утро, – отозвалась Лана и, заметив, как брови дяди взлетели над оправой очков, добавила. – Разбирала вещи в подвале.

– И как? – он спрашивал не об этом, Лана это сразу поняла. Слишком хорошо он знал о методах воспитания своей тётки.

Она сделала глоток и задумалась, а стоит ли рассказывать ему о находке? Она не была уверена, что ей захочется обсуждать то, что мог поведать дневник. И что-то подсказывало, что Ян точно бы начал отговаривать её от чтения.

– Тебе помочь с вещами?

– Нет, спасибо, я сама, – приняла она, наконец, решение. – К тому же осталось немного.

– Какие планы у тебя на время пребывания в городе?

– Что ты имеешь в виду? – она была удивлена таким вопросом.

– Я подумал, ты захочешь, как можно скорее вернуться к своей прежней жизни, к своим животным.

– Я пока ещё не решила.

– Как знаешь, – пожал он плечам, – я просто спросил. Не хочу, чтобы моя племянница уехала слишком внезапно, забыв попрощаться.

Это был камень в её огород. Одиннадцать лет назад она именно так и поступила, а потом долгие годы жалела об этом.

«Может, стоило тогда прийти к нему, рассказать всё? – думала Лана. – Дядя обязательно бы выслушал, дал совет».

Но она знала, почему не пошла – он бы отговорил её уезжать и она бы осталась. И весь тот ужас продолжился бы.

– Я никуда не собираюсь, по крайней мере, в ближайшие дни. Как твоя работа? – сменила она тему, и он сразу же попался на заброшенную удочку.

– О, всё отлично! – его глаза сразу же загорелись. Так случалось всякий раз, стоило только заговорить о работе. – Появились новые находки, тебе бы не мешало зайти и взглянуть.

– Конечно, на днях... – честно пообещала Лана, убирая со стола посуду.

Весь город был в курсе его безграничной любви к своему делу. Музей был его детищем, его так и не обрётённой семьёй. Он часами мог рассказывать о новых находках. Будучи профессором истории, он сочетал в себе два качества, которые кажется, были несовместимы: был отличным администратором и знатоком своего предмета. Он не только отлично руководил музеем, созданным прямо внутри закрытой шахты и персоналом, но и мог рассказать обо всём со знанием дела. Ян был высококлассным специалистом в своей области. И сейчас он что-то говорил ей о том, что изменилось за это время в музее: о новых планах по реконструкции помещения, о работниках, о финансировании и многом другом.

Она не слушала, её голова была занята другим. Мыслями была в соседней комнате, с дневником в руках.

– Мне пора... – сказал он, видимо заметив, что его племянница последние десять минут витает в облаках – Я и так задержался.

Проводив его до машины, Лана помогла с пакетами.

– У тебя новая машина?

– Да вот, приобрёл пару лет назад, – с гордостью сказал он и провёл ладонью по жемчужно-белому боку огромного кроссовера. – Нравиться?

Кивнув и перекинувшись ещё парой слов, она вернулась в дом, и в нетерпении открыла тетрадь, предусмотрительно спрятанную под подушкой.

«29 января 1946 года. «Он мёртв! Но я мертва уже давно. Это мне наказание за что-то! Я не достойна быть счастливой! Я до сих пор ночами лежу без сна, вспоминая его прикосновения, запах... Теперь только кошмары стали моими постоянными спутниками. Не хочу вспоминать – слишком тяжело».

О ком писала Агата, так и осталось загадкой. Никаких имён, никаких намёков. Возможно, речь шла о возлюбленном, только вот имени она так и не узнала. А следом новая дата 1965-ый год.

Перерыв в двадцать два года!

Лана нахмурилась и тщательно изучила стыки страниц, опасаясь, что те были просто вырваны, но повреждений не нашла. Агата просто перестала писать до времени, когда родила девочку, Клару. Та была поздним ребёнком. Родила от человека, о котором даже не упомянула в своём дневнике. Агата стала той, о ком говорят: мать-одиночка за сорок.

Первый день в детском саду, потом школа. Лана читала строки, с ужасом ожидая момента, когда очередной этап жизни рассказчицы обернётся крахом. Что-то произошло в те далёкие годы, что-то ужасное, после чего Агата больше не захочет слышать о своей дочери.

Лана проглатывала страницу за страницей, прерываясь лишь на редкие походы к холодильнику и в туалет. Было желание проскочить пару глав, но она боялась пропустить что-то важное и заставляла себя перечитывать каждый, подробно описанный год.

Взгляд выхватил из текста:

«Клара родила мальчика. Николас, такое имя она дала ребёнку при рождении».

— Мальчик? – Лана перечитывала снова и снова эту строчку в дневнике, но мозг никак не мог принять то, что было очевидным.

7 октября 1982-ой год. Её тогда ещё и в проекте не было. В ближайшие семь лет уж точно. Она впервые слышала о том, что у неё есть брат. Эта мысль казалась не реальной.

– И где же ты, Николас? – спросила она пустоту, переворачивая очередную страницу.

Далее шло описание тяжёлых лет воспитания внука и постоянной борьбы с растущей алкогольной зависимостью у дочери. Первые шаги маленького Николаса и скандалы с Кларой. Первые слова малыша и первый вызов полиции. Старая женщина разрывалась между выбором: забота о внуке, который практически остался сиротой или не прекращающаяся борьба с невменяемой дочерью, которая постепенно теряла человеческий облик. И везде на полях одно слово «Кара». Жирно выведенные буквы так и лезли в глаза. И Агата приняла единственно правильное решение: выбрала внука и выгнала дочь. Больше пяти лет о той не было никаких вестей, лишь тихая, спокойная жизнь бабушки и внука, пока та вновь не появилась на пороге родительского дома.

«17 октября 1988 год. Клара вернулась. Сказала, что больше не пьёт и хочет жить со своим сыном... Она изменилась. После стольких лет ожиданий и вины за то, что я была вынуждена отвернуться от собственного дитя, я могу сбросить этот груз с плеч. Она дома, хотя и выглядит ужасно. Вздрагивает от каждого шороха, боится даже своей тени... На все мои расспросы в ответ я получаю лишь молчание и застывший ужас в её глазах. Что-то с ней случилось, пока она отсутствовала. Я в этом уверена. Но она моя дочь и я помогу ей наладить свою жизнь».

«22 ноября 1988 год. Она опять беременна! Боже! Поэтому она и явилась. Я устала. Николас постоянно прячется у себя в комнате. Он боится и ненавидит собственную мать, не хочет с ней видеться... Это просто ужасно! Мои сбережения исчезают, но я до последнего не хочу верить в то, что она на такое способна. Её клятвы и заверения, что она не прикасалась к моим деньгам – смехотворны... Снова начала пить и постоянно врёт, что в завязке. Но я чувствую запах алкоголя исходящий от неё. Что может родиться у такой женщины, как моя дочь?»

– Я, – тихо ответила Лана на вопрос, заданный двадцать восемь лет назад.

Она подняла взгляд от страниц, чувствуя, как расплываются очертания комнаты. Это было отвратительно, зная, что ты нежеланный ребёнок, зачатый, скорее всего, в пьяном угаре и навязанный бабке алкоголичкой матерью. Только теперь Лана поняла нежелание Агаты говорить о своей дочери. Вот от чего так рьяно оберегала та внучку, от какой правды!

«4 марта 1989 год. Ночью начались преждевременные роды. Клара измучилась, но родила девочку. Я зря переживала. Всё хорошо. Малышка недоношенная, два с половиной килограмма, но доктора развеяли все опасения... Может быть, это рождение поможет Кларе измениться? Стать прежней? Николас тяжело воспринял появление сестры. Я вырастила маленького эгоиста...»

«27 апреля 1989 год. Лана подрастает, с ней нет никаких проблем. Это очень кстати, Клара снова за старое. Она начала пропадать на целые недели... ничего и слушать не хочет. Кто позаботится о них, если со мной что-нибудь случится? Мои мольбы ни к чему не приводят. Я пытаюсь поговорить с ней, но тщетно. На вопрос о человеке, что обрюхатил её, она впадает в страшную истерику и снова хватается за бутылку. Она боится, я чувствую её страх, когда речь заходит об отце внучки. Я думаю это один из дружков моей дочери, но выяснить необходимо, ведь ей, с её пагубными пристрастиями могут не позволить растить детей, если я умру...»

– Мило, – усмехнулась она. – Мало того, что моя мать алкоголичка, так ещё и отец, видимо, не подарок. Поздравляю тебя, Лана, ты узнала всё что хотела.

«18 сентября 1989 год. Вызвали в школу. Николас ввязался в драку. Я узнала от него, что это из-за того, что другой мальчик оскорблял его мать. Клара даже сыну несёт одни страдания. У него в двух местах сломана ключица, едва приехав в больницу, он впал в истерику – жутко боится врачей».

В таком же духе продолжалось ещё долгие пять месяцев, а потом снова тишина, хоть и не такая продолжительная. Из дневника пропали все упоминания о матери и брате. Она перелистывала страницы, но больше не находила никаких следов. Было такое чувство, будто их никогда и не существовало. Стиль повествования изменился, стал более сухим. Словно на страницы ложились лишь факты, никаких переживаний.

Лана посмотрела на дату перед долгим молчанием: 18 сентября 1989-ый года. Следующая запись была датирована уже 17 декабря 1989-ым годом. Три месяца просто выпали из дневника. Агата писала почти каждую неделю, а иногда и каждый день. И вдруг три месяца тишины? Что же произошло? Клара забрала сына и они уехали? Год сменялся годом, а каких-либо упоминаний в дневнике о матери и брате больше не было. Описания становились всё короче, а почерк всё хуже.

Пролистав до конца тетрадь, она нашла лишь обрывок старой, чёрно-белой фотографии с внутренней стороны обложки. Светловолосая молодая женщина в старомодном наряде середины прошлого века. Было видно, как она красива. Повернув голову чуть в сторону, она улыбалась кому-то невидимому, кто, стоял слева от неё, там, где остался лишь рваный край.

Лана задумчиво провела пальцами по изображению. Возможно эта та самая Мэри. Но кто ещё был запечатлён на этом снимке? Агата? Вряд ли. Зачем было портить, бесценную в те времена вещь? Странно, что она хранила эту фотографию не в альбоме, со всеми остальными снимками, а в своём дневнике. Словно скрывала что-то. Снова тайны!

Казалось, вся жизнь хозяйки этого дневника состояла сплошь из тайн. Она, наконец, закрыла старую тетрадь, всё отчётливее понимая, что не стоило ей лезть во всё это. Вопросов стало гораздо больше и, если раньше её мучил один единственный – о её родителях, то сейчас более важным казалось, где её единокровный брат, Николас?

Глава 4

11 ноября 2016 год

Восемь дней до расплаты.

Стоящий перед ней высокий, сутулый мужчина в коричневом костюме в синюю клетку и таком же галстуке, производил странное впечатление. Первой мыслью, посетившей Лану, было: ему здесь самое место. Слишком медлительный, словно движения давались ему с трудом, слишком бледный, скорее всего, последствия постоянного пребывания в лишённом солнечного света помещении. Его невероятно длинные руки, словно длинные лапы паука, перебирали книги на полках и бережно расставляли их по местам.

Раньше Лана любила проводить свободное время в библиотеке, ей нравилось копаться в книгах, просто нравилось бывать здесь, вдали от дома и Агаты, но этого мужчину она видела впервые. Новый администратор, заменивший на посту милую старушку, вечно кутавшуюся в белоснежную шаль.

– Чем могу помочь?

Несмотря на отсутствие посетителей, он говорил тихо, но его слова всё равно разносились эхом по дальним уголкам огромного читального зала.

– Я ищу кое-какую информацию... – начала она, думая с чего лучше начать. – Мне нужны местные газеты за конец сентября и весь октябрь восемьдесят девятого года.

– Какие именно издания?

– А их много? – тихо спросила Лана. Всё это место располагало к тишине.

– На тот период времени три, если я не ошибаюсь.

– Давайте все, что есть.

От удивления он вскинул белёсые брови, но всё же открыл толстый журнал записей. Эту огромную книгу она помнила.

– Ваши данные, пожалуйста.

Она достала из своей необъятной сумки-мешка водительские права, хотя у неё никогда не было собственной машины, и положила на край стола.

– Берсон? – его и без того узкое лицо вытянулось.

«Наша фамилия у всех на слуху» – усмехнулась про себя она, утвердительно кивая.

После долгой и бессонной ночи проведённой в раздумьях, она решила, что единственное место, где можно было хоть что-то узнать – это городская библиотека. Знала ещё из прошлой жизни, что все издания газет хранятся здесь, в архиве. Едва дождалась утра, быстро собравшись и кое-как позавтракав, вызвала такси, которое пришлось ждать около получаса.

Достав связку ключей и медленно перебирая её длинными пальцами, словно заворачивая муху в паутину, мужчина повёл её вглубь здания. Здесь для неё начинался незнакомый книжный мир – дальше читального зала она раньше не заходила. Шаги по винтовой, железной лестнице, с уходящими вниз ступенями, разносились гулким эхом и рождая в ней первые признаки паники.

– Подвал? – спросила она, пытаясь игнорировать дрожь в коленях.

– Да. Здесь у нас архив. Все периодические газеты и журналы мы храним в этом месте, – пояснил он, открывая ключом дверь.

Лана оглядела огромное помещение с четырёхметровыми потолками. Практически всю площадь занимали металлические стеллажи, доверху набитые книгами, газетными стопками, журналами и ещё какими-то коробками. И лишь в свободном углу – стол, стул и аппарат, напо-

минающий доисторический компьютер. Серый монитор, на платформе смотрел на них чёрным экраном. То, что должно было иметь функцию клавиатуры, менее всего походило на таковую.

Молча наблюдала, как библиотекарь выдвигает ящик за ящиком, то и дело, бросая на неё любопытный взгляд и бормоча что-то себе под нос. А когда поиски были завершены, на стол легли три небольших коробочки, внутри которых были катушки с намотанной на них плёнкой.

– В те годы выпускались еженедельная газета – самая крупная, по области, ещё одна называлась «Городские вести», ну и газетёнка для подписчиков, предпочитавших рыбалку и садоводство, – пояснил он, с сомнением переводя взгляд с посетительницы на стол. – Думаю вам надо объяснить, как пользоваться сканером и микроплёнками?

– Да, пожалуйста.

Когда Лана бывала здесь раньше, она и не подозревала, что в подвале стоит это чудо техники.

«Хотя может оно появилось позже?» – решила она, когда щёлкнула кнопка выключателя, и монитор вспыхнул синим светом.

– У нас редко кто пользуется этим аппаратом. Да и газеты, мало кому нужны, – сказал мужчина, продолжая свои манипуляции.

Он достал из коробочки красную катушку и, вставив в специальный отсек, заправил чёрную плёнку. На экране тут же появилось изображение разворота газеты «Городские вести».

– Этот рычаг сбоку переключает изображение, а этим вы можете поправить, если плёнка легла не ровно.

– Думаю, справлюсь.

– Если что-нибудь ещё понадобится, я наверху.

Она поблагодарила, желая поскорее остаться одна. Её уже захватил азарт ищейки, и медлительный библиотекарь только мешал ей начать поиски. Она дождалась, пока тот тихо не прикрыл за собой дверь. Абсолютная тишина, не считая мерного гудения старой машины, окружила её. Посидев ещё минуту, она принялась за дело.

Решив, что газета связанная скорее с хобби, чем с важной информацией здесь будет лишней – вряд ли в ней может быть хоть что-то её интересующее – отложила в сторону одну катушку. Оставались две плёнки за нужный ей период: конец сентября, начало октября. Тот промежуток времени, с которого из дневника пропадают все упоминания о брате и матери. Но тут же возникли сомнения.

«Что я ишу? На что надеюсь? Неужели мне не достаточно того, что стало известно из дневника?» – думала она, прокручивая страницу за страницей. Но она знала причину. Даже прочтя дневник не испытала ни облегчения, ни какого-то удовлетворения. Вопросы, как были, так и остались. А ей нужны были ответы.

Медленно, боясь что-то упустить, она, затаив дыхание, просматривала страницу за страницей, номер за номером и вскоре нашла то, что искала. Городской номер за понедельник 25 сентября 1989-го года. Всю первую полосу занимала статья об исчезновении ребёнка.

– Без вести пропавший, – прочла она заголовок, и сердце заныло от дурного предчувствия.

Далее шла и сама статья:

«В прошлое воскресенье этот осенний, казалось бы, обычный для обывателя день, наш провинциальный, небольшой городок шокировала страшная новость – пропал семилетний ребёнок. Как стало известно из достоверных источников: около пяти вечера 24 сентября 1989 года маленький Николас Берсон вышел на прогулку. С тех самых пор его никто больше не видел. Особые приметы мальчика: тёмные волосы, голубые глаза, одет был в светло-голубую куртку, бежевые штаны и серые ботинки. Проводимые полицией поиски результатов пока не дали. Всем кому хоть

что-то известно о местоположении ребёнка, просим обратиться в редакцию газеты или по номерам...»

К статье прилагалась и фотография. Голубоглазый мальчик смотрел на Лану с улыбкой. Чёрные волосы были такими же, как её собственные и лёгкое сходство не оставляли никаких сомнений в том, что на фото её брат.

– Только не это! – только и смогла прошептать Лана, на короткий миг, прикрывая глаза, словно стирая картинку из памяти, но тот всё так же улыбочиво взирал на неё с экрана.

Её начала бить дрожь, словно ледяные пальцы коснулись тела. Она сидела, тупо уставившись на изображение, и силилась переварить прочитанное. Всё что угодно, но такого она никак не ожидала. Версии, которые всплывали в её голове с того момента, как она прочла о брате в дневнике Агаты, были разными. Её мать сбежала вместе с сыном, или Николаса выкрал его настоящий отец и сейчас они живут где-нибудь в сотни километров отсюда. Но такое!

Лана боялась поверить в то, что её брата так и не нашли. Надеялась, что всё благополучно разрешилось, и мальчика отыскивали, но в глубине души знала ответ. Скорее всего этого так и не произошло, если конечно не существует где-то того места, куда Агата носила цветы и оплакивала внука.

«Может это место, куда она ездила каждый месяц?» – подумала Лана.

Сколько раз она читала вот о таких исчезновениях? В газетах, на уличных столбах и остановках. Когда слышишь о таких несчастьях постигших родителей, то сопереживаешь им, сочувствуешь их горю. Немыслимо лишиться своего ребёнка, в каком бы возрасте он ни был. Но узнать, что и твоя семья пережила подобный кошмар, было гораздо тяжелее.

Она тоже хороша! Постоянно доставала со своими расспросами. Каково же было Агате, каждый раз вспоминать о своём пропавшем внуке!

– Что же с тобой стало, Николас? – прошептала Лана, продолжая прерванное чтение.

«Как известно – это уже не первое исчезновение ребёнка в наших краях. Все мы помним случай, когда два года назад, в соседней деревне, пропал шестилетний Томас Андерссон. Правоохранительные органы и тогда оказались бессильны и не смогли найти пропавшего мальчика по горячим следам. Недели тщательных поисков полиции и местных жителей не привели к каким-либо положительным результатам. То, что это чей-то злой умысел у нас уже не оставляет никаких сомнений. Как пояснил нам следователь, который ведёт эти два дела, нет оснований говорить о взаимосвязанности этих исчезновений».

В статье упоминалась фамилия следователя, которому было поручены эти дела, и который в то время общался с прессой. Питер Новак. Фото малыша также было напечатано. Тёмные волосы, серые глаза, обрамлённые длинными ресницами.

Лана была в ужасе. Что это? Неужели это их милый, маленький городок, славившийся своим гостеприимством для туристов, уставших от новомодных курортов? С его пабами, мощёными улочками и архитектурой прошлых столетий. Неужели здесь, под самым носом, пропадают маленькие дети? И всё новые и новые вопросы рождались в голове. Что с ними могло случиться? Могли ли они просто заблудиться в местных лесах?

Хотя в это было трудно поверить, но Лана вспомнила пару случаев. Людей, конечно, находили, правда, не всегда живыми, но то были пьяницы, забредшие по ошибке в лес и замёрзшие насмерть, или грибники в летний период времени. Она вспомнила и о массовых драках городских шаек, выяснявших отношения вдали от глаз полиции. Лес был для них излюбленным местом, ещё и потому, что там можно было спрятать всё что угодно. Но дети!

Дальнейший просмотр ничего не дал и Лана отправилась на поиски того единственного, кто в данный момент мог ей помочь. Наверху всё было иначе. Библиотека была такой же без-

людной, как и несколькими часами ранее, но в окна уже ярко светило солнце. И только взглянув на часы на стене, поняла, что время перевалило за полдень. В подвале, за чтением, часы летели незаметно.

Тот, кого она искала, сидел на своём рабочем месте, подперев правой рукой подбородок, и дремал.

– Могу я попросить вас дать мне больше материала?

Он с удивлением поднял на неё слегка посоловевшие глаза.

– Не нашли того, что искали?

– Нашла, но не всё. Мне нужна областная газета. За предыдущие два года и за следующие...

– До какого времени?

– До сегодняшнего дня.

Мужчина в недоумении посмотрел на Лану.

– Это почти тридцать лет. Это очень много, – с сомнением произнёс он.

– Да, я знаю, но мне, правда, это необходимо.

Ещё какое-то время он пристально разглядывал Лану, но что-то для себя решив, молча кивнул, и медленно переставляя свои длинные ноги, вновь направился в подвал.

– Вы намерены, провести здесь весь день?

– Да, если это понадобится.

– Может, если вы мне скажете, что конкретно ищите в этих газетах, я смогу вам помочь...

Его явно заинтересовало то, что Лана пыталась «нарыть».

«И о том, что случилось почти тридцать лет назад, наверняка слышал» – решила она.

Можно было заранее предугадать, чем закончиться такая вот помощь – раздутые до нереальных размеров разговоры местных. Несмотря на то, что дом находился в удалении от города, они всё же оставались неотъемлемой его частью. Лана ходила здесь в школу, здесь в начальной школе учился и её брат...

– Нет спасибо, я сама разберусь, – отрезала она, надеясь, что всё не испортила.

Библиотекарь застыл, явно обиженный, но отказа не последовало.

– Я вам покажу что, где лежит, а вы аккуратно просматриваете и кладёте на место. Вы поняли?

Лана поспешно кивнула. Это был самый лучший вариант – меньше любопытных глаз и связанных с этим вопросов. Не сразу, но она поняла, что означают буквы и цифры на пластиковых табличках ящиков. С наклейками на коробках из-под катушек, было тоже всё более или менее понятно. Как только она осталась одна, поиски возобновились.

За те два года, прошедшие с момента пропажи Томаса и до исчезновения её брата, ничего странного не происходило. Лана листала страницу за страницей, пробегая глазами заголовки, пока не наткнулась на статью за 2 октября 1998-го года.

«ДТП со смертельным исходом. Страшная находка».

Перед глазами был чёрно-белый снимок жуткой аварии. Она долго вглядывалась, пытаясь понять, что привлекло её внимание. Покорёженный круглый знак с цифрой 60! Точно такой же, только целый, был на повороте, который вёл к её дому. Поворот тоже был очень похожим. Хотя она могла и ошибаться, изображение было не слишком чётким, словно дождь пытался утаить произошедшее на том участке дороги. С трудом, но всё же она рассмотрела две покорёженные машины. Большой грузовик, неизвестной ей, марки слегка накренившись, стоял на обочине. В нескольких метрах от него было то, что осталось от легкового автомобиля. Словно гигантская рука смяла его, как ненужный лист бумаги, и отбросила в сторону. Перекосившийся, смятый дорожный знак, как бы завершал общую картину.

«Авария со смертельным исходом произошла 24 сентября 1989 года. Грузовая фура на огромной скорости протаранила легковой автомобиль. Выжить удалось только водителю грузовика. Эта страшная трагедия унесла жизни трёх человек, находившихся в легковом автомобиле. Автомобиль принадлежал местному жителю – Адаму Ли, который и находился в салоне автомобиля вместе с женой и сыном. Водитель грузовика утверждает, что его вины в случившемся нет. По его словам другой водитель не справился с управлением и вылетел на встречную полосу движения, дабы избежать столкновения с каким-то объектом на дороге. Возможно, на проезжую часть выбежало животное, которых в избытке в здешних лесах».

Лана задумалась. Действительно странно, что авария произошла именно в тот день, когда пропал её брат. Или это всего лишь совпадение? В следующем еженедельном номере, за 9 октября, она нашла продолжение этой истории.

«Напомним нашим читателям об аварии, произошедшей несколькими неделями ранее, в которой погибли три человека. Первоначальное предположение полиции, что в аварии погибла семья Ли состоящая из трёх человек: супружеская пара и их семилетний сын, как выяснилось позднее, было ошибочным. Первым потрясением явилось то, что сын погибшей пары на момент этой катастрофы, находился дома. Немного позднее полиции всё же удалось установить личность третьего пассажира. Им оказался шестилетний Томас Андерссон, пропавший два года назад. Вопрос о том, что он делал в чужой машине остаётся пока без ответа. По невероятному стечению обстоятельств именно в этот воскресный день 24 сентября вышел из дома и не вернулся другой мальчик. Николас Берсон. Дом его бабушки, с которой проживал мальчик, находится в каких-то сотнях метров от места аварии. Полиция продолжает следственные действия. Мы надеемся, что в скором времени получим хоть какое-то разъяснение по поводу того, что же произошло на том участке дороги и, как в машине оказался пропавший за два года до описываемых событий мальчик?»

Над статьёй в один ряд были размещены фотографии всех трёх жертв автомобильной аварии, включая и пострадавшего водителя грузовика. Что-то смутно знакомое было в этом, четвёртом лице. Что-то, что наводило на мысль о том, что уже видела этого человека раньше. И совсем недавно... Только вот где? Круглое лицо, добрые глаза...

«Прошло почти тридцать лет и ему, должно быть, уже за шестьдесят и он сильно постарел» – размышляла она, вглядываясь в чёрно-белый снимок, когда её словно ударило током.

Ошибки быть не могло. С фотографии на неё смотрел более молодой вариант хозяина такси, того самого, который удивил её, заговорив о проклятом месте. Сразу стали понятны и его реакция, когда они приблизились к повороту и его слова. Для него этот участок дороги, несомненно, был проклятым. Он был участником той страшной аварии, произошедшей 24 сентября 1989-го года.

Ещё оставалась надежда, что в более поздних выпусках отыщется хоть какая-то информация, связанная с Николасом, но Лана так ничего не нашла. Было всё что угодно: письма жителей города с жалобами на местные власти, проблемы в одной из школ, много писалось о выставках в шахтёрском музее имени «Вальтмана». Часто упоминался и сам Александр Вальтман и частный, благотворительный фонд, названный его именем. Ей показалось странным, что не именем его пропавшей жены Мэри.

«Почему? – гадала она, прокручивая страницу за страницей. – Забыл о своей пропавшей жене? Вряд ли. Может он знал что-то такое, о чём не догадывалась даже Агата?»

Лана знала не понаслышке, что выставлять напоказ грязное бельё никто не хотел. Взять хотя бы её семью, в которой смешалось всё: и тайная любовь её бабки, и внебрачные дети Клары, и её алкоголизм, и наконец, исчезновение Николаса.

«Может она просто сбежала от мужа?» – снова вернулась она мыслями к Мэри и тому, что писали в газетах.

Об Александре, были только хвалебные отзывы, как о щедром человеке, который не жалел средств на поддержку сиротских приютов и больниц. Его фонд часто спонсировал научные исследования, начиная от детской онкологии и заканчивая генетическими заболеваниями. Этот человек жертвовал миллионы. Но теперь всё это казалось странным. Оставалось загадкой, откуда он брал такие деньги. Она знала из истории музея, что шахта, которая была единственным источником дохода этой семьи, закрылась ещё до начала Второй мировой войны – добывать каменный уголь традиционным способом, стало не выгодно. И вот проходят годы, а Вальтман уже меценат, жертвующий огромные суммы на благо человечества. На чём же была построена его империя, если семейный бизнес приказал долго жить?

В местных газетах было ещё много того, что можно было отнести к обычной жизни города, но никаких упоминаний ни о брате, ни о другом пропавшем мальчике. Достаточно быстро все переключились на обыденные проблемы, что было понятно – люди больше не хотели жить в постоянном страхе из-за того, что их ребёнок, выйдя на улицу без присмотра, мог разделить участь двух других. Все просто постарались как можно быстрее забыть о том, что случилось осенью 1989-го года.

Областная газета тоже не дала ничего нового. Николас так и не был найден, ну или об этом факте забыли упомянуть, что было крайне маловероятно. И это было страшно!

«Что с ним? – гадала Лана, потирая уставшие глаза и сворачивая поиски на страницах передовиц. – Жив ли он?»

В последнем номере случайно наткнулась на некролог о Берсон Агате. Доброта, забота, терпение – такие слова были напечатаны в этом маленьком уголке памяти, выделенном чёрной рамкой. Неужели это про Агату? Правда заключалась в том, что люди не знали человека, прожившего бок о бок с ними более восьмидесяти лет! Многими словами могла бы Лана охарактеризовать свою бабушку, но уж точно не доброта и терпение.

«О мёртвых либо хорошо, либо вообще никак» – напомнила себе, ставя на место плёнки.

Лана вспомнила о том, что первоначально её интересовало – её родители. Как же всё может измениться за какие-то сутки! Как одна старая тетрадь смогла перевернуть её мир вверх ногами. Изменить приоритеты.

Если сейчас было понятно, что произошло с братом, то отсутствие матери так и оставалось для неё загадкой, заставляя выдвигать гипотезы. Что могло произойти? Умерла? Но это было бы самым простым способом для Агаты отделаться от любопытной внучки – показать могилу и закрыть тем самым эту тему навсегда. Но та этого не сделала и никогда не утверждала, что её мать мертва.

Может Клара в очередной раз сбежала? Что мешало просто взять и уйти, как она это сделала после рождения Николаса? А может окончательно спилась и похоронена где-нибудь, как бездомная?

Новые вопросы добавились к тем, что уже были, но она уже не была уверена, что хотела знать правду. Слишком тяжёлым было осознание того, что все эти годы в их семье творилось что-то страшное, лишённое логики, а она даже не была в курсе. Будто из дневника, который она открыла, вместе с написанными строчками, посыпались все эти пугающие тайны.

«Что делать дальше? – размышляла она. – Что ещё можно предпринять в такой ситуации? Пойти к дяде? Или может всё оставить, как есть и уехать? Забыть всё, как страшный сон, про брата, про мать?»

Но Лана понимала, что уже никогда не сможет жить, как раньше. Эти неразгаданные тайны будут преследовать её, вынуждая вновь вернуться к поискам.

Было около семи вечера, когда она поднялась наверх, чтобы покинуть здание библиотеки. И тут же услышала уже знакомый мужской голос за спиной:

– Я хотел бы поговорить с вами...

Она остановилась, ожидая, что последует дальше.

– Дело в том, что я знаю кто вы.

– Вы сами записали мои данные, – отозвалась она, желая лишь одного: быстрее покинуть это место.

– Да-да конечно, но я не об этом, – торопливо продолжил библиотекарь, впрочем, не предпринимая попытки приблизиться к ней. Уже хорошо. – Дело в том, что я сразу же понял, зачем вы пришли. Это ведь касается того случая с вашей семьёй в конце восьмидесятого? Вы его ищете? Своего брата?

Лана словно вросла в пол библиотеки, такими неожиданными были слова, произнесённые этим мужчиной. Стоило её бабке умереть, как люди начали говорить.

– Понимаете, с моей работой больше ничего не остаётся, как копаться в книгах и газетных статьях. Да и история была нашумевшей. Вот я и подумал, что будет не лишним, если я вам кое на что открою глаза.

Он был ей неприятен, но выслушать его стоило и она, наконец, взглянула на него:

– Так о чём пойдёт речь?

– Дело в том, – начал он, – что я когда-то учился с вашим дядей, то есть с Яном. И то, что происходило ранее, и случилось в ту осень, навело меня на кое-какие мысли.

– О чём?

– Я поясню. Понимаете, у меня есть все основания полагать, что в исчезновении вашего брата виновен Ян.

Это было, как гром среди ясного неба.

– С чего вы так решили? – медленно произнесла Лана, чувствуя, как почва уходит из-под ног.

– Дело в том, что в то время, когда мы были ещё выпускниками, – торопливо пояснил мужчина, словно боялся, что она не станет его слушать и уйдёт, – у вашего дяди появилась тайная связь. Он скрывал эту женщину. Единственное, что я могу сказать с уверенностью, это то, что она была гораздо старше его и должно быть с деньгами, – увидев, что Лана уже открыла рот, чтобы послать, куда подальше с его бредовыми идеями, он торопливо сказал. – Вот смотрите, Ян оканчивает университет, пишет докторскую и практически сразу же получает место директора музея. Его рекомендовал кто-то! Иначе как он мог в таком юном возрасте сделать такую молниеносную карьеру? И это была женщина со связями...

– При чём тут мой брат? – раздражённо перебила его Лана, окончательно теряя терпение.

– Я думаю, именно та женщина взяла его на воспитание, а ваш дядя помог ей в этом.

– Бред! – бросила она и развернувшись, пошла к выходу.

– И всё же подумайте над моими словами и спросите его! – крикнул он её вслед.

Покинув библиотеку, она попыталась выкинуть из головы последний разговор. Сумерки уже опустились на город. Лана достала мобильный телефон, возвращаясь мыслями к газетным статьям. Стоило попробовать найти того следователя, хотя и не была уверена, что тот ещё жив. Двадцать семь лет – довольно большой срок, но попытаться стоило. Других вариантов всё равно не было, а тот полицейский, если она его всё же найдёт, напомнила себе она, возможно, сможет рассказать что-то, что не упоминалось в газетах.

Впервые в жизни Лана была рада, что их город настолько мал. Скачала на мобильный справочник всех городских номеров и достала клочок бумаги. Питер Новак. У неё ещё с детства были проблемы с памятью на имена и фамилии и в её сумке можно было найти с десяток таких вот мятых бумажек с фамилиями людей. Раз в несколько месяцев она избавлялась от ненужного мусора, но вскоре тот снова накапливался, дожидаясь своей участи.

На поиски ушло несколько минут. Этот следователь был единственным человеком, кто мог помочь разобраться, и Лана очень надеялась, что он согласится с ней встретиться.

Почему его никто не понимает? Ни тогда, ни сейчас? всю жизнь он только и делал, что слышал о том, что не прав. Что он должен подчиниться, делать всё, как ему велят. Ну, а если он не желал подчиняться? Если даже будучи ребёнком, догадывался, что это неправильно. Даже его детский мозг понимал, что это омерзительно и ничего кроме тошноты не вызывает. Но совладать со своими инстинктами не мог. Даже тот единственный, кому он доверился без остатка, был против него, смотрел с презрением и неприязнью, словно это была его вина, что он стал таким. И он смирился, дал своей тёмной стороне затянуть себя в водоворот. И ему вдруг стало всё равно...

Глава 5

11 ноября 2016 год

Восемь дней до расплаты.

Этот телефонный звонок застал его за любимым делом. Сидя в своём стареньком, кожаном кресле с потёртыми подлокотниками и продавленным сиденьем, Питер Новак читал. И ничто не должно его отвлекать – это обязательное условие. Ведь чтение, то единственное, что ещё оставалось в его жизни, после смерти жены.

Что надо было этой молодой девушке, он до конца так и не понял и долго решал:

«А стоит ли вообще встречаться с ней, и ворошить прошлое?»

Но она была весьма настойчива.

– Может быть, вам моя фамилия ни о чём не говорит, но мне просто необходимо, чтобы вы встретились со мной и выслушали... – глухо звучал её голос в телефонной трубке.

– Я помню фамилию Берсон в связи с одним делом, но это было очень давно.

– Именно поэтому я вам и звоню, – настаивала она. – Я младшая сестра, пропавшего в восемьдесят девятом году мальчика, Николаса Берсона.

Он вздрогнул, когда девушка произнесла последние слова. Это имя он не забудет, наверное, никогда. После этого дела его карьера начала клониться к закату.

– И что же вам нужно от меня через столько лет? Я на пенсии уже давно...

– Расскажите мне, что тогда произошло. Это единственное, о чём я прошу.

Питер Новак долго молчал, думал, зачем ему всё это? Ворошить прошлое не стоит. Но всё же решил встретиться. Наверное, профессиональное любопытство сыграло решающую роль и ему просто стало интересно узнать, что же такого могло произойти, что после почти тридцатилетнего затишья опять всплыло это имя?

– Записывайте адрес... – сдался он и продиктовал ей название улицы и дома, в котором жил вот уже почти семьдесят лет.

Девушка пообещала приехать следующим утром и тут же положила трубку, словно опасаясь, что он может передумать.

Он отложил книгу, да так и сидел, задумчиво глядя на противоположную стену, на которой в красивой, под бронзу рамке висел его наградной лист: «*За служение стране*». Наградили, как только он вышел на пенсию. Его приёмная дочь повесила эту рамку, хотя знала, как он любит этой показухи. Она гордилась своим отцом, который почти сорок лет стоял на страже порядка, а у него не хватало смелости убрать с глаз долой это напоминание о его ошибках и неудачах.

То дело, которое он так и не смог раскрыть, он помнил наизусть. Описание мальчика, личные данные, показания родственников, находящихся в непосредственной близости к семье знакомых и допросы немногочисленных свидетелей, которые могли что-то видеть. Помнил и убитую горем, пожилую женщину, которая умоляла найти своего внука. Он видел, как она страдает от неизвестности, как мучается. И несмотря на то, что дал ей обещание сделать всё от него зависящее, он не нашёл мальчика. Он из кожи вон лез, но, в конечном счёте, это ничего не изменило. Он подвёл их всех! Поклялся что, если понадобится, потратит всю жизнь на поиски её внука, но клятвы не сдержал.

Это нераскрытое дело стало его проклятьем. Карьера следователя и жизнь разделились на до и после тех злополучных лет. Он растерял себя, стал замкнутым. Понял, что его единственным желанием было побыть одному, подумать, в сотый раз пробежаться глазами

по этому делу – вдруг появится зацепка, ниточка, которую он упустил, проглядел. Но так ничего не нашёл.

Без азарта стал относиться к работе, все его мысли были заняты другим. Когда он ел, спал, работал, перед глазами стояли только имена, фамилии, допросы, улики. Очень давно одна знакомая психолог, с которой они проработали бок о бок много лет, сказала ему, что у него синдром «незаконченного дела», и что именно это повлияло на его поведение личности, вызывая в нем деформацию. Это всё что он смог понять из тех заумных словечек, которые услышал от неё. Незаконченное дело.

Может ему вообще не следовало идти служить в полицию? Может, нужно было стать, например: адвокатом или кем-то ещё? Никогда он не сомневался в своём предназначении, был уверен в своих силах. Но это было до...

Он выдвинул ящик стола, чтобы положить так и не дочитанную книгу, когда взгляд его наткнулся на старую газету, которую он так и не выбросил по прошествии года. Лишь зияющая дыра на месте статьи, которую он вырезал и послал по почте семье одного одарённого мальчика, напоминала о том, что он вновь упустил момент, дал очередному злодею уйти. Хоть кара того всё же наступила спустя много лет.

Он так и провёл ночь в своём кресле, перебирая в памяти всё то, что помнил из тех далёких лет, прерываясь лишь на краткий сон.

Посетительница, как и обещала, пришла довольно рано. Словно ей не терпелось быть разочарованной, услышав от него единственное слово на все её вопросы. Не знаю! А вопросы будут, в этом он не сомневался. Где её брат? Что с ним случилось? Почему его так и не нашли?

Он медленно поднялся из-за стола, тяжело опираясь на трость, без которой не мог обходиться вот уже тридцать пять лет и пошёл открывать дверь. Девушка, с его ростом метр девяносто, едва доставала ему до плеча. Слишком худая на его взгляд, с длинными, тёмно-русыми волосами, собранными в высокий хвост. Было видно, как она ёжится от холода в своём тонком пальтишке. Нижнюю часть лица она прятала под ярко красным шарфом. Взгляд же был колючим и каким-то настороженным. Такой взгляд он неоднократно видел за годы службы. Так смотрят те, кто не ждёт от жизни и окружающих ничего хорошего.

– Здравствуйте, – голос тот же, что и по телефону.

Новак лишь кивнул в ответ, ещё не придя к какому-то решению, относительно гостя. Движением руки дал понять, что она может зайти, даже не предложив ей снять пальто.

«Ей чуть меньше тридцати» – прикинул он, и от его внимательного взгляда не укрылось, как она проскользнула в дверной проём, максимально увеличив дистанцию между ними.

Он помнил, когда велось то расследование, сестра у Николаса Берсона действительно была, но слишком маленькая, ещё младенец. Было что-то неуловимо схожее между его гостьей и пропавшим мальчиком на фотографии.

Сначала хозяин дома не мог разобраться, что так поразило его в лице девушки, но вскоре понял. Её глаза! Они были разных цветов. Из-за этого она казалась какой-то иной. Неправильной. С дефектом. И это выбивало из колеи. Он начал чувствовать себя не в своей тарелке оттого, что приходилось смотреть в эти глаза.

– Что вам конкретно нужно от меня? – сразу перешёл к делу Новак.

– Хочу знать, что случилось с моим братом той осенью.

– Покажите документы.

Он видел, как она удивилась его просьбе. Проработав в полиции столько время, у него началась своего рода профессиональная паранойя. Имея дело с грабителями, убийцами и насильниками, которые изворачиваются и постоянно лгут, пытаясь избежать наказания, начинаешь искать подвох и среди обычных людей. А он знал, какой изошрённой может быть ложь.

Хотя он и был почти уверен, что перед ним сестра Николаса Берсона, оставалась вероятность того, что это обычная журналистка, воспользовавшаяся сходством с пропавшим мальчиком и стремящаяся, во что бы то ни стало, раскопать сенсацию. Может им была допущена какая-то грубейшая ошибка в том деле, и сейчас его бывшие коллеги хотят повесить всех собак на него? Затеяли очередное расследование, в связи с вновь открывшимися обстоятельствами или вроде того. Хотя, что с него взять на пенсии?

Он начал терять терпение. Девушка долго рылась в своей огромной, чёрной сумке, но всё же протянула ему то, что он требовал, держа документ лишь кончиками пальцев.

– Я не предполагала, что здесь такой жёсткий контроль, – иронично сказала она, и едва он взял у неё ламинированный кусок картона, сжав пальцы в кулак, спрятала руку за спину. – А если бы я сменила фамилию?

Он пропустил иронию мимо ушей, и ещё даже не взглянув в документы девушки, отчеканил:

– Имя – Лана, дата рождения пятое марта, восемьдесят девятый год.

Её необычные глаза округлились и Новак усмехнулся. Память его никогда не подводила. Из вредности он долго и излишне придирчиво изучал её водительское удостоверение, после чего положил его на край стола, наблюдая за гостьей.

Её рука с бледной кожей, почти до кончиков пальцев скрытая под рукавом серого свитера, лишь на секунду появилась в его поле зрения, после чего, словно воришка исчезла в кармане пальто.

«Очень увлекательно» – размышлял Новак, направляясь в свой кабинет.

Гостья следовала за ним по пятам.

– Так что же вам от меня нужно, Берсон?

– Расскажите мне, что знаете, – отозвалась она за его спиной.

– Столько лет прошло... Почему именно сейчас? – спросил он, неуклюже усаживаясь за стол спиной к окну. Его трость заняла положенное место у стола.

Гостье же он предоставил самой сделать выбор: удобное, мягкое кресло напротив или жёсткий табурет чуть в стороне, которым уже лет двадцать никто не пользовался. Она выбрала второе, лишь подтверждая его предположение.

– О том, что тогда произошло, я узнала только вчера. Я была слишком маленькой и мои родные посчитали, что мне вообще не нужно знать об этом.

– А сейчас вам это зачем?

– Хочу разобраться.

Старик усмехнулся. Эта пигалица хотела разобраться! Вся полиция билась тогда над этим делом, а она хотела! Возомнила себя сыщиком.

– Что конкретно вы хотите знать?

– Всё.

Он многое мог ей поведать. Как часами сидел в своём кабинете, снова и снова перечитывая всё то, что удалось выяснить. Помнил то чувство когда, кажется, вот она ниточка, стоит только протянуть руку, подцепить пальцами и дёрнуть, и весь клубок тут же начнёт разматываться, приоткрывая завесу прошлого. Но это была лишь иллюзия. Он что-то упускал. И чем больше он вникал в то дело, тем безнадежнее оно ему казалось.

– На наш участок поступило заявление о пропаже мальчика, – начал Новак. – Заявление было от его бабушки. Она не стала ждать положенных трёх суток и пришла в полицию вечером, перед самым закрытием. Её сразу же направили ко мне. Берсон Агата.

Девушка еле заметно кивнула, подтверждая его слова.

– Она рассказала, – продолжил он, – что её семилетний внук вышел погулять возле дома, после чего она его больше не видела. Это произошло между шестью и семью вечера. Наутро полицейские и кинологи с собаками прочёсывали близлежащую округу. Обыскали весь лес

вдоль и поперёк, озеро, но так и не нашли ничего. К тому же ещё с обеда зарядил сильный дождь, это смыло все следы, если какие и имелись. Мы опрашивали всех, кто хоть как-то мог быть связан с вашей семьёй, но безрезультатно. Проверляли больницы, морг. Были разосланы ориентировки в соседние районы. Ничего.

– Неужели ни одной зацепки? – спросила она, чуть склонив голову вбок.

– Я же говорю – ничего, что могло бы нам помочь. Полицией была проведена колоссальная работа. Были опрошены все, кто хоть как-то мог прояснить ситуацию. Кто-то что-то видел, но ничего стоящего внимания. Люди приходили, пытаюсь помочь, но чаще всего это были ложные сведения, не имевшие к вашему брату никакого отношения.

– А Томас Андерссон?

Новак нахмурился, меньше всего ожидая такого вопроса от неё. А он-то думал, что почти отделался от надоедливой посетительницы, что та сейчас встанет со старого, неудобного стула и навсегда исчезнет, но вела она себя так, словно уходит вообще не собиравшись.

«А она оказалась не душой, раз смогла раскопать и это! – пристальнее взглянул он на девушку. – Откуда она могла знать о том, что произошло за два года до этого, с другим мальчиком?»

Видимо выражение лица выдало его с головой, потому что гостья пояснила:

– Я просматривала местную газету в поисках хоть какой-то информации о брате и там случайно наткнулась на статью, где упоминался похожий случай. Из газет я и узнала, что вы вели расследование по этим двум делам.

– Вы ведь знаете, что его нашли? Андерссона?

– Да, я прочла об аварии.

– Два года вся полиция округа искала его, а он был жив. Всё это время его удерживали силой. При обследовании тела, были обнаружены следы на его запястьях. Его приковывали и довольно продолжительное время. Тело ребёнка после аварии было в ужасном состоянии, сложно было что-то сказать с уверенностью. К тому же он был без одежды, по следам на которой мы могли бы иметь более чёткую картину произошедшего.

– Так, что же с ним случилось?

– Официальная версия такова: Томас Андерссон был похищен мужчиной по имени Адам Ли и его женой и удерживался ими в так и не установленном полицией месте. В тот день они, видимо решили перевезти мальчика. Мы не нашли ни дом, ни подвал, где были хоть какие-то следы, указывающие на то, что там два года жил ребёнок.

– Вообще ничего?

– Абсолютно. Если Ли и удерживали где-то Томаса, то полиции это место до сих пор не известно.

Новак вспомнил тот день, когда его вызвали, отчитаться о проделанной работе. Ему тогда досталось от начальства за то, что повисло уже второе такое же дело и то, что лишь случай помог раскрыть первое преступление. Он стоял в огромном кабинете шефа и, как мальчишка выслушивал выговор, про его профессиональную непригодность и медлительность. Наконец перестав брызгать слюной, тот дал указание обрисовать местной прессе в общих чертах ситуацию, но не выдавать никаких фактов связанных с этими двумя делами. Как ведущему следователю, ему предстояла встреча с журналистами, где он должен был извиваться, как уж на сковороде...

Она вопросительно смотрела на него, приподняв тёмную бровь.

– Что вы сказали?

– Может быть, такое, что Николас был похищен той же супружеской парой?

– Нет, исключено. Вашего брата последний раз видели около шести вечера, а авария произошла около пяти. На час раньше. Ли здесь не при чём. Хотя у них мог быть сообщник.

– Вы кого-нибудь подозревали?

– Несколько человек, но прямых улик у нас не было.

– Так эти случаи никак не связаны?

– Думаю, нет.

– А когда вы искали Томаса, нашли хоть какие-то следы? Или опять шёл дождь? – в голосе девушки была ирония.

– Нет. Собаки были, но след они потеряли на дороге, недалеко от школы. Предположительно он мог сесть в какой-то автомобиль. Например: автомобиль четы Ли. Местные жители ничего подозрительного в тот день не заметили – никаких незнакомых машин или людей.

Он поднял руку, не давая ей возможность спросить ещё о чём-то.

– И опережая ваш следующий вопрос скажу, что первый случай произошёл в небольшой деревушке в двадцати километрах от того места, где спустя почти два года пропал ваш брат. Достаточное расстояние, чтобы это могло быть простым совпадением, если не считать пол и приблизительный возраст детей. Мы проверили всё, даже марку одежды, в которой они были в тот день, но ничего общего. Мальчики из обычных семей. Томас пропал почти сразу после того, как закончились школьные занятия, где-то между двенадцатью и половиной третьего. Единственное, что было общего – это отсутствие отцов у мальчиков, но многим казалось, что эта версия притянута за уши. Хотя позже и провели проверку. Отец Николаса Берсона, бросил беременную подружку на раннем сроке и исчез. Мы его нашли позже, он отбывал срок в тюрьме за ряд преступлений: разбой, кражи. И как вы понимаете, в момент исчезновения просто физически не мог быть в наших краях. Отец второго мальчика благополучно забыл о существовании сына, был женат и жил в нескольких сотнях километрах с законной супругой и двумя детьми, – он поморщился, вспоминая холёного главу семейства, который не вызвал у него ничего кроме отвращения. – Такой добродетельный папаша, который не хотел, чтобы его прошлые ошибки выплыли наружу. Его не огорчило то, что его родной сын исчез, заботило только счастливое неведение его жены. И он нам дал ясно это понять. Так что...

– А то, что Томаса нашли именно в тот же день, когда пропал мой брат, да к тому же недалеко от нашего дома?

– Это могло быть простым совпадением.

– А что вы сами думаете об этих случаях?

Новак понял, что она почти готова сдаться и оставить его в покое.

– Хотите узнать моё мнение?

Она кивнула.

– Думаю, вашего брата уже давно нет в живых. Если бы он заблудился, то давно нашли бы его тело. Когда пропал ваш брат, жители и полиция прочесали весь лес вдоль и поперёк, и не один раз, а на протяжении нескольких недель.

В памяти всплыло воспоминание: толпы мужчин и женщин одетые в ярко-оранжевые, светоотражающие куртки с фонариками в руках медленно, выстроившись цепочкой и тихо переговариваясь, бредут по лесу, стараясь не пропустить ни клочка земли. Там были десятки, если не сотни человек. Зрелище было то ещё, особенно ночью. Словно сотни светлячков в брачный период.

– Большинство таких преступлений, – продолжил бывший следователь, – раскрывается в первые несколько дней. Статистика. Приблизительно восемьдесят процентов находятся практически сразу. Дети теряются, сбегают из дома, либо их похищает один из родителей, чаще всего это отец, который редко видит ребёнка или есть судебный запрет.

Новак поднялся с кресла, тяжело опираясь на свою «палочку-выручалочку», как любил называть трость его единственный внук.

– Чёртова нога затекает, не могу долго сидеть, – пояснил хозяин дома, видя насторожённость в глазах девушки, и продолжил. – Была ещё одна версия, но она не воспринималась, как ключевая.

– Что за версия? – спросила гостья, напряжённо наблюдая за его передвижениями по комнате.

– Мог быть серийный маньяк, похищающий детей. Да и время, как нельзя лучше соответствовало. Осень в обоих случаях. Часто у людей с психическими расстройствами обострение приходится именно на этот период времени. Но нам было известно всего два случая, и полиция этой версии официально не придерживалась. К тому же паника среди местного населения была ни к чему. – Новак остановился и взглянул на гостью, голос его стал глухим. – Если это был серийный маньяк, то, должны были быть и другие жертвы, но выйти на след нам так и не удалось, даже заподозрить толком было некого. Проверки жителей, которые страдали психическими нарушениями, ничего не дали. Работали наши штатные психологи, но тщетно – слишком мало информации, слишком мало жертв, чтобы можно было опереться на эту версию.

– Может это был кто-то из приезжих? – не оставляла попыток девушка. – Возможно, человек, появляющийся в наших краях довольно редко, наездами? Может в гости к кому-то приезжал?

– Проверяли, ни-че-го, – по слогам ответил Новак.

– Неужели больше никто не пропадал в наших окрестностях?

– Женщины, мужчины, животные, – загибал он пальцы, – но никаких детей, Заявлений о пропажах больше не было. Я тщательно следил за этим долгие годы, уж поверьте. Непосредственно в нашем городе и его окрестностях не было зафиксировано случаев исчезновения маленьких детей.

– А в соседних городах?

– Вы хоть представляете, какая это обширная территория? – вспыхнул он, теряя терпение. С её упрямством только следователем работать. – Там постоянно кто-то пропадает, но это уже не в нашей компетенции. У нас есть свои правила и копать на чужой территории вам никто не даст.

– Вы даже не проверяли, – констатировала она, склонив голову вбок, словно изучая его.

А бывший полицейский, в который раз подумал о том, что сидящая перед ним девушка, производила на него двойственное впечатление. Таких глаз просто не могло быть у человека, у зверя да, но не у человека.

Вроде он видел передачу про домашних животных, где была порода кошек с разным цветом глаз. Как же она называлась?

– Проверил. Сделал запрос. Пропажи были, многих находили. Но чего-то похожего, увы... После, я ещё несколько лет следил за такими случаями, безрезультатно, – он сделал очередной круг по кабинету и повернулся к гостье. – Могу теперь я задать вам вопрос?

Она ждала, сидя на этом неудобном стуле так прямо, словно проглотила кол и во всей её позе чувствовалась насторожённость.

– Если ваши родные хотели уберечь вас от того, что произошло почти тридцать лет назад, как вы узнали об этом?

Она колебалась, он видел это в её глазах.

– Я нашла дневник моей бабки.

Новак ощутил, как металлический наконечник трости с силой впился в ладонь. Он почувствовал что-то, едва уловимое – новую ниточку.

– И что в нём, если не секрет?

– Ничего, – помедлила она. – Там нет ни слова о той трагедии в моей семье.

– Объясните, – слово прозвучало жёстко, словно приказ.

– До сентября восемьдесят девятого года Агата довольно подробно описывала события: свою жизнь до и после войны, воспитание моей матери, рождение и детство Николаса, проблемы с алкоголичкой-дочерью. Мне ведь даже не говорили, что у меня был брат, – сказала она с болью в голосе, но тут же взяла себя в руки. – Потом тишина на три месяца. За это время

она не написала ни строчки, а следующие записи уже за декабрь. Но в них не было ни слова, ни о её внучке, ни о моей матери. Мне пришлось искать ответы в газетах.

«Догадливая», – похвалил её по себя Новак.

В комнате на какое-то время воцарилась тишина. Были слышны лишь шаркающие шаги да глухие удары трости, когда она соприкасалась с деревянным полом, устланным ковром.

Наконец, словно приняв решение, бывший следователь произнёс:

– У меня имелись кое-какие соображения... – начал он. – Некоторые были уверены, что это Клара Берсон приложила руку к исчезновению своего сына.

– Вы серьёзно? – изумлённо произнесла его гостя. – Моя мать?

– Когда я вёл расследование, всплывали интересные факты из её прошлого. Алкоголичка со стажем, бросившая ребёнка и исчезнувшая в неизвестном направлении. Мне пришлось потратить немало сил и времени, чтобы хотя бы частично восстановить то, чем занималась ваша мать последние пять лет. Но даже несмотря на это, в её биографии осталось много белых пятен.

– И что же вам удалось выяснить?

– Не многое, – он повернулся к госте, положив обе ладони на набалдашник трости. – Она год прожила в соседнем городке в ста двадцати километрах отсюда. После, её след теряется. Как сквозь землю провалилась. А за год до событий восемьдесят девятого она вдруг вновь появляется. Я несколько раз беседовал с ней в тот период, но она мне ничего так и не рассказала.

– Думаете, она могла быть причастна?

– В её состоянии? Всё возможно. Люди с зависимостью, будь то алкоголь или наркотики, способны на немыслимое.

На что именно Новак не стал озвучивать. В годы работы он сталкивался со случаями, когда такие конченные люди продавали детей в рабство или на органы. Слишком частыми были и случаи детской проституции. Как наркоманы за дозу, алкоголики за выпивку, готовы были на что угодно.

– Но доказательств у вас нет?

– То, что я выяснил о её жизни, настораживало. Было очень много подозрительных моментов. К тому же мы так и не подтвердили того, что она не виновна. Ваша мать не хотела с нами сотрудничать, или может просто не помнила, что произошло в тот вечер. На все мои вопросы в ответ была лишь тишина. То, что у Клары Берсон были проблемы, было видно невооружённым глазом. С ней проводил беседу наш штатный психолог, так вот он утверждал, что у неё психологическая травма, но с чем она была связана, он так и не смог выяснить. Ваша мать на беседах с ним тоже молчала.

– Вы думаете, она могла что-то сделать со своим сыном?

Новак посмотрел прямо в её кошачьи глаза.

– После того, что вы только что рассказали, я ещё больше проникся уверенностью, что это возможно. Иначе, почему ваша бабушка перестала упоминать дочь в своих записях? Что, если она узнала о виновности вашей матери, но будучи сама матерью просто не смогла предать свою дочь? Что, если ваша бабушка все эти годы знала, что случилось с её внуком? Может она хотела забыть о них, вычеркнув из своих воспоминаний? – этот вопрос предназначался скорее для него, чем для той, что сидела напротив.

– И что же, по вашему мнению, могла сделать моя мать с Николасом?

– Вы её тогда не видели. Она было в ужасном состоянии.

– И всё же? – настаивала девушка.

– Вам ни к чему в этом копаться. Думаю, мы закончили, – было последнее, что он произнёс, перед тем, как открыть дверь кабинета, давая понять, что время истекло. Девушка была задумчива, когда попрощавшись, наконец, покинула его дом. Новак закрыл дверь и тяжело

вздыхнул, понимая, что это была никому не нужная встреча. Ему было жаль потраченного времени, и он был зол. Но вскоре понял, что эта злость от того, что эта пигалица заставила его опять во всём сомневаться...

Вспоминать и думать!

Он медленно прошёл в кабинет и тяжело опустился в любимое кресло. Бросил взгляд на книги – читать не хотелось. Мысли то и дело возвращались в далёкий 1989-ый год. Ворошить прошлое не стоило, теперь он это хорошо понимал.

Сидел, прикрыв глаза, слушая бурлящую жизнь за окном: рёв проезжающих мимо автомобилей, отдалённый предупреждающий гудок паровоза, голоса людей, спешащих по своим делам, топот десятка ног. Его мозг напряжённо работал.

Взяв в руки мобильник – подарок дочери – набрал сохранённый номер, после нескольких длинных гудков на том конце ответили.

– Здравствуй, дорогой. Это Новак тебя беспокоит. Как супруга? Как дети? Да, да, у меня тоже всё отлично... Нет-нет, нога почти не болит, – торопливо соврал он, с ненавистью взглянув на трость. – Видишь ли, у меня к тебе просьба... неофициальная, как ты понимаешь. Мне нужна кое-какая информация...

Новак терпеливо выслушал вопрос собеседника.

– Да вот решил на старости лет дать мозгу встряску и немного поработать. Ты же знаешь, полицейский даже на пенсии остаётся полицейским. Да-да. Запиши. Исчезновения детей, с восемьдесят пятого года и до настоящего времени, по всей стране.

Глава 6

18 ноября 2016 год

День да расплаты.

Какие эмоции он должен испытывать? То, в чём признался ему этот умирающий, верилось с трудом. Но это была правда!

Единственный вопрос, который сейчас крутился в его голове: «Как такое вообще могло произойти? Это же просто немыслимо! Это всё меняет!»

– По вашему взгляду вижу, что вы наслышаны обо мне? – с гримасой, больше напоминающей боль, чем усмешку, спросил Виктор Вальтман.

– Да, немного, – соврал он. Мысли, словно рой пчёл кружились в голове. Столько вопросов, на которые он самостоятельно не мог найти ответы. А ответы ему были необходимы. – Но как?

– Не будем забегать вперёд. Всё по порядку. Когда я был молодым, меня часто посещали тщеславные мысли о значимости, к которой надо стремиться всеми силами. И я стремился. Пошёл на поводу у более предприимчивых и хитрых товарищей, как мне тогда казалось мудрых, а на деле всё оказалось иначе. Я ошибался. Всем иногда свойственно совершать ошибки. Не так ли, молодой человек?

– Конечно, от ошибок никто не застрахован.

Он это хорошо понимал и принимал людей такими, какие они и были по сути своей. Слишком много он знал чужих секретов и каждый был последствием опрометчивого поступка, совершив который, человек почти всегда раскаивался. Но были и те, кому было плевать, и те, кто не делал ошибок, кто жил по своим, написанным своей рукой, правилам.

– В конце тридцатых годов, – начал старик, невидящим взглядом уставившись на противоположную стену, – я к своей великой радости, был полностью предоставлен самому себе. И не смотря на то, что я был ещё довольно молод, родители дали мне полный карт-бланш. Они не вмешивались в мою жизнь, я, в свою очередь, не мешал жить им. Всё, что я помню из того времени – это постоянные пьянки и дебоши, в которых я без конца принимал участие. Ни одно мероприятие не обходилось тогда без Виктора Вальтмана из состоятельной и интеллигентной семьи! Моего папашу, наследника самой крупной угольной шахты этой части страны, значительно сократившего состояние наших предков из-за сомнительных вложений, знали многие. Молва о нашей семье, тратившей капитал так бездумно, но с присущим только богатым шиком, ходила постоянно. Мы были весьма расточительны. Как это называется – жить не по средствам? Именно. Денег становилось всё меньше и меньше, но статус для нас был превыше всего! Никто и никогда не должен был знать о действительном положении вещей. Я жил на широкую ногу, как и прежде, не подозревая о дамкловом мече, нависшем над моей головой.

Старик на какое-то время замолчал, переводя дыхание.

– Так как все по-прежнему считали нашу семью одной из самых богатейших и влиятельных в стране, считалось престижем приглашать меня – одного из наследников империи Вальтман. Я практически никогда не проводил время в одиночестве, меня всегда окружала толпа, жаждущая урвать кусок пожирнее от того праздника жизни, который я ежедневно себе устраивал. – Виктор Вальтман скривился. – Стервятники! Но мне было плевать. Алкоголь сменили лёгкие наркотики и так из-за дня в день. Многочисленные драки и приводы в полицию, от которой щедро откупался мой папаша. Нас называли золотой молодёжью. Мои родители были в курсе того, как проводит время их младший сын, но у них была более важная забота – мой старший брат-близнец Александр! – выплюнул он последнее слово. – Именно на него они

тратили все свои силы и родительскую любовь. Насколько я был никчёмным и конченным человеком, настолько Александр был идеалом в глазах наших родителей. Хотя к тому времени мне было порядком на это наплевать. Мать и отец ещё в детстве сделали выбор не в мою пользу, будто я был скаковой лошадкой, на которую они, по прихоти своей или тупости, с самого начала не желали ставить. Я проиграл забег, едва появившись на этот свет.

– Вы вините своих родителей в том, что выросли не тем человеком, которым могли бы стать?

– Я смирился, – отмахнулся старик, закашлявшись. – Одной из причин моего бунтарства была среда, в которой я рос, и воспитание, которого у меня не было. Так вот, на одном из таких вечеров я и познакомился с молодым и амбициозным человеком. Его имя было Марк. Он приехал в нашу глушь, погостить к своей тётке. Ну, по крайней мере, он так в начале нашего знакомства утверждал, хотя много позже выяснилось, что он скрывался от властей за пропаганду фашизма. И его тётка, со связями и небольшим домиком в нашем захолустье, как нельзя, кстати, подвернулась в трудную для него минуту – выгодное прикрытие и перевалочный пункт... Меня сразу зацепило то, как выделялся он среди нас. Более зрелый, лет на десять старше каждого в нашей компашке, что делало его более авторитетным в наших глазах, мы ведь только вступали во взрослую жизнь, пробовали её на вкус, так сказать. Мой новый друг был среднего роста, ничем не примечательный, но стоило ему только открыть рот, как тут же его глаза загорались огнём, лицо преображалось, привлекая к нему десятки взоров. И все неосознанно прислушивались к его речам, ловили каждое произнесённое слово, следили за каждым жестом. Это, несомненно, был человек – харизма! К тому же он был непревзойдённым оратором. Его идеи, в конце тридцатых, казались мне весьма захватывающими. Всё то, что он с таким напором пытался донести до нашего сознания, казалось, имело смысл. Высказывания об общем благе, к которому стремилась Германия, о чистой нации, без примесей других народов, заполонивших наши страны и стремящихся наравне иметь свою культуру и традиции. К этой элите, несомненно, относил себя и я. В то время я был с ним во многом солидарен... да и не я один. Все находились под впечатлением! Я видел, как Марк меняет мировоззрение моих друзей, делает их податливыми, словно глина в руках мастера, готовая принять любую форму.

Виктор Вальтман перевёл дыхание, во взгляде его читалось восхищение того молодого мальчишки.

– Вы не поверите, но я часто ловил себя на мысли, что ревную его ко всем этим бездарям, окружавшим нас. Я хотел, чтобы все эти речи звучали лишь для меня одного, лишь на меня был направлен его взор. Я так часто мечтал остаться с ним один на один...

Вальтман, словно очнувшись от грёз, пристально посмотрел на своего молодого слушателя.

– Хотя вам, судя по всему, не понять то моё состояние. Состояние счастья, какой-то нирваны. Я будто прозрел, увидел себя таким, каким и хотел быть. Человеком, который не притворяется, принимает себя полностью. Встреча с Марком послужила катализатором. Одного взгляда мне хватило, чтобы понять: почему я был таким флегматичным по отношению к жизни вообще? Я понял, что жил все эти годы неправильно, и что отличаюсь от той однородной толпы. Они все стадо, я был иным. Избранным!

– Ваш друг был предметом вожделения для вас?

– Да. Ничего подобного я никогда не испытывал ни с одной женщиной, а они были, уж поверьте. Мечтать о нём, грезить, все, что мне оставалось.

– Он знал о ваших чувствах?

– Нет, – испугано ответил старик и голос его сорвался. – Не думаю, что он ответил бы мне взаимностью. Я предпочёл неведение разочарованию. Думал, что не переживу, если он меня отвергнет, посмеётся в лицо. Позже, когда Марк заручился поддержкой пятерых из нас, встречи было решено проводить в доме, принадлежавшем моему знакомому по универси-

тету. Его отец был банкиром, и это привлекло внимание Марка и к его ничтожной персоне. В этом, до жути вульгарно оформленном штабе, как мы его называли, с обнажёнными бронзовыми статуями и фонтанами, и проходили наши собрания. Мы участвовали в дискуссиях. Помню постоянные споры и много спиртного. Тогда я даже и предположить не мог, что человек, которого я тайно боготворил, неспроста появился среди тех, образ жизни которых сводился к развлечениям, безделью и трате родительского капитала. Он целенаправленно вбивал в наши затуманенные алкоголем мозги те идеи, что позже было принято называть такими громкими словами, как евгеника, расовая ненависть и «серая масса». Надеюсь, нет нужды вам объяснять, что обозначают все эти термины?

– Нет.

Но старик, будто не слышал ответа, так был погружен в свои воспоминания.

– Все эти понятия сейчас вызывают в душе современного человека отвращение и злобу, но тогда мне и тысячам других, казалось, что это именно про нас. Про элиту! Видимо Марк ещё тогда увидел во мне заинтересованность к его теориям, потому что с тех самых пор я стал тем, кем и мечтал, по сути, быть. Единственным человеком, на кого было обращено всё его внимание! Не последнюю роль в этом сыграло и моё происхождение. Богатенький сынок, которым в будущем можно будет манипулировать в свою угоду. Деньги во все времена оставались одной из двух главных движущих сил, способной заставить любого, совершить даже самое невообразимое.

– А что же, по-вашему, является второй силой? – поинтересовался гость.

– Любовь, молодой человек, любовь! И неважно к кому, к противоположному полу или к самому себе! – с горькой усмешкой ответил старик.

– Вы любили?

– О, да. За свою долгую, полную греха жизнь – дважды. А тогда я впитывал, как губка всё то, что говорил мне мой новый друг и, когда он предложил мне отправиться к нему на родину, я с радостью согласился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.